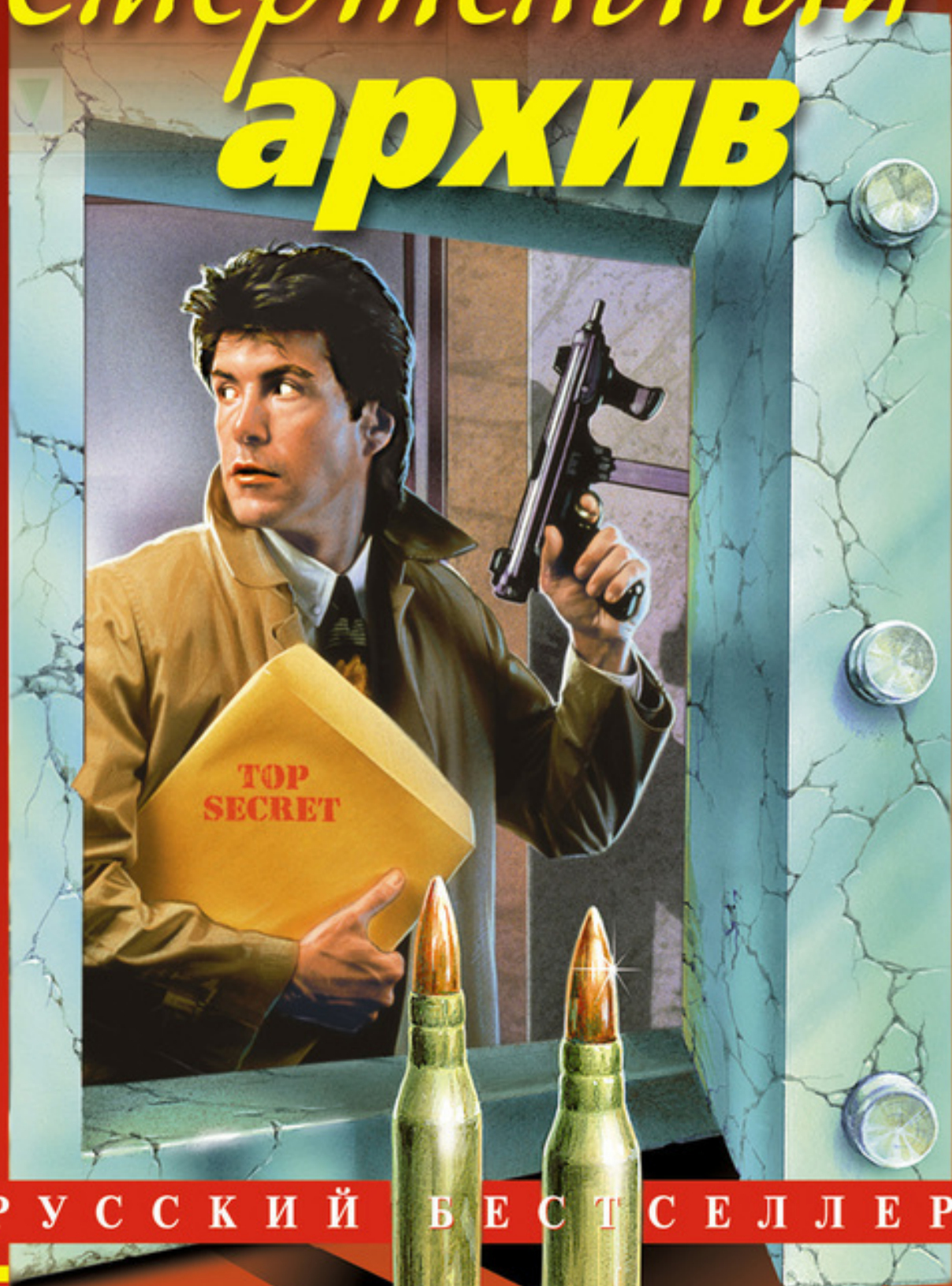

Алексей
МАКЕЕВ

Смертельный архив

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Алексей Макеев

Смертельный архив

«Научная книга»

2013

Макеев А. В.

Смертельный архив / А. В. Макеев — «Научная книга», 2013

В результате сердечного приступа умирает полковник в отставке Ермолаев. Однако его бывший коллега капитан Звонарев не верит официальной версии и предполагает, что полковника убили. Он знает, что Ермолаеву в последнее время очень многие желали смерти: за долгие годы службы в милиции тот собрал внушительный архив компромата на сильных мира сего и, по слухам, собирался выгодно его продать. Звонарев начинает расследование и вскоре становится участником загадочных и опасных событий, которые окончательно убеждают его в том, что Ермолаев умер не своей смертью...

© Макеев А. В., 2013

© Научная книга, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Макеев

Смертельный архив

Глава 1

По набережной шел мужчина, прикладывая белоснежный платок ко лбу. На вид около сорока, подтянутый, он заметно выделялся среди разноцветной толпы гуляющих – строгий серый костюм-тройка; идеально начищенные туфли на высоком каблуке; серый же – под цвет костюма – галстук с немного легкомысленным «цветочным» узором... и крошечный розовый бутон в левом нагрудном кармане – яркое пятно, отвлекающее от лица.

Солнце палило высоко в небе, шумно резвились дети под неусыпным приглядом старших... Мужчина бросал короткие настороженные взгляды из-под полей старомодной шляпы и оценивал. Когда его интерес замечали, быстро улыбался и проходил дальше, снова останавливался... В конце одной из аллей он выбрал спрятанную в густом кустарнике лавку и осторожно присел, заранее подстелив под брюки платок.

– Дядя похож на гангстера! – детский голос заставил мужчину обернуться: толстенький пацан лет десяти глазел на него с дорожки. – Я в такую игру играл!

– Миша, нельзя так говорить! Вдруг дядя обидится?

– Все в порядке, – человек улыбнулся: получилось слегка натянуто, но в меру искренне... по крайней мере, ему так хотелось.

– Идем; папа, наверное, билеты на колесо взял.

Женщина уволокла чадо к аттракционам. Мужчина остался сидеть.

– Здравствуйте, Виталий Петрович. – Рядом плюхнулся молодой парень в майке «Love me, baby!» и шортах. – Давно ждете?

– Нет.

– Хорошо, боялся опоздать... – Собеседник вытащил пачку «Кэмела», закурил. – У меня начальство, сами знаете...

– Мне все равно. Давай.

– Сразу и по делу... – парень огляделся и протянул мужчине пластиковую карту. – Пинкод на обороте. Сумма полностью, никаких частей; как договаривались.

Молча убрав прямоугольник, «гангстер» дал парню сложенный пополам листок формата А4.

– Время, место, имена. Фотографии в указанном месте.

– Ага...

– Всего доброго.

Мужчина встал, вытер платком и без того играющие на солнце туфли и пошел в сторону выхода из парка.

– Старый козел! – буркнул парень, выкинул окурок и тоже поднялся.

На солнце набежало легкое, почти прозрачное облачко – стало чуть прохладнее, громче зашуршали нападающие на бетонный пандус волны. Кричала девчонка-продавщица: «Газировка! Газировка!»: когда покупали, улыбалась счастливо, будто продать газировку – самая большая радость ее недлинной жизни...

Никто не заметил, как упал мужчина в идеальном костюме: обратили внимание, когда старомодная шляпа, играя с ветром, унеслась в реку. Заохали, подбежали, перевернули... отшатнулись – человек, несомненно, мертв: синее скорченное лицо; не дышит; неестественно подвернутая рука, будто он сам – то ли судорога, то ли еще какая прихоть костлявой – решил

ее сломать... Вызвали «Скорую» – толстая докторша пожала плечами, кинула в пустоту «гру-зим!» и уселась обратно в карету – кто ж захочет возиться с трупом в такую погоду?

Мужчину упаковали в непрозрачный пакет и сунули ногами вперед.

«Скорая» уехала. Через полчаса о происшествии забыли.

Глава 2

Июнь, 1997 год

– Саня, Роцин, левый фланг! Копытов, Некрасов – правый! Беречь патроны!

Лейтенант отдавал приказы четко, намеренно громко – и только его голос вырывал из мутного, бессильного ступора, разом охватившего молоденьких бойцов. Мощно рокотал пулемет сержанта Громыко; стреляные гильзы со звоном падали на бетонный пол и латунно блестя в лучах послеобеденного солнца. В воздухе кружила выбитая пулями известь, сыпалась бойцам на головы и, смешиваясь с едким потом, текла по лицам грязными струйками.

Внезапно затих стонущий Ромка Тарасов – первый, кто заметил врагов и открыл огонь, не дав ворваться в здание. Случись такое – и маленькая группа лейтенанта Громова обречена. Тарасов уложил двоих, но не успел скрыться – осколки «РГД» посекали тело, рисуя на ткани новенькой формы бурые потеки...

Разведка доложила – боевиков нет, территория безопасна настолько, насколько это возможно в объёме войной регионе. Село Знамено – десяток дворов, три заброшенные стройки; население – старики, женщины, дети. Командование решило отправить новичков, едва устроившихся в казарме.

Разведка, как это часто бывает, ошиблась...

– Звонарев! Уснул? – Громов несильно пнул солдата по ноге. – В бой!

Санька широко открытыми серыми глазами наблюдал, как сержант Петров закрыл ладонью глаза Тарасова; как гудящие пули щербят на стенах причудливые рисунки; как танцуют столбы пыли в косых лучах солнца, бея погони матерящегося Громыко...

Предупреждали, что будет страшно, но Звонарев не верил – смеялся в лицо пугливым сослуживцам, заявляя: «Посмотрим, кто кого!..» Посмотрел – не просто страшно, а СТРАШНО – до онемения рук, до паралича, до пронизывающего холода в мокром от пота теле.

Тряхнув головой, Санька вытащил из подсумка рожок, вставил в автомат... Бывший чемпион района по боксу, признанный силач двора, Звонарев в эту минуту клял себя за трусость, за позорные мысли и мокрые ладони, скользкие по цевью, будто оно живое и норовит выпрыгнуть... Выставив ствол в окно, парень короткими очередями простреливал округу, находя укрытия противника... Через минуту он забыл о страхе, превратившись в машину, которую недолго, но все же учили воевать.

Звонарев не мог видеть, как наблюдавший за ним лейтенант довольно качнул головой – не видел он чемпиона района, признанного силача, да и не было ему до этой мишуры дела – командир видел девятнадцатилетнего мальчишку, распластанного на полу бетонной стройки у черта на рогах, нашедшего мужество поднять автомат.

* * *

Звонок будильника стер лица и события давнего боя – Звонарев открыл глаза и недовольно поморщился. Потолок в желтых разводах; за окном воет собака; за картонной стеной кто-то ругается – новое жилье «радовало» с первых минут знакомства. Хозяйка, полная татарка Динара, клялась, что квартира тихая, беспокойства не будет... Соврала. Кто бы сомневался.

Мебели почти нет – не стал забирать после развода: наверное, теплилась мыслишка, что не все потеряно. Света тогда высказалась категорично: «Или я, или гадская служба!» – не говоря ни слова, капитан юстиции Звонарев, ненавидящий скандалы, оделся и вышел за дверь. Теперь жалел, что не принял ее слова всерьез... Вернувшись через пару часов с букетом роз

и коробкой любимых женой «Рафаэлло», нашел два упакованных чемодана и записку: «Не ищи, все кончено». Через две недели на адрес матери пришла повестка – Света подала на развод.

Не желая теснить мать, Звонарев оказался в съемной «однушке»: из мебели диван, два продавленных кресла и стол с крутящимся стулом – с пьяницами-соседями и воющей с завидным постоянством собакой. Один плюс – до работы, стоявшей жены и двухмесячного курса лечения после огнестрела, всего два квартала, пять минут спокойной ходьбы.

Ему на будущий год исполнится тридцать пять. Короткие черные волосы серебрятся по бокам; приятное лицо слегка портят серые, жестко прищуренные глаза; широкие брови – правая чуть приподнята шрамом, делая выражение лица ироничным, даже немного циничным – будто никому не верит: полезное качество на работе, но создающее проблемы в общении. Рослый, широкоплечий – капитан неизменно притягивал женские взгляды, но никогда – пока был женат – не отвечал взаимностью ни одной представительнице прекрасного пола. Сама мысль об измене выглядела кощунственной – со Светой познакомились в школе, с десятого класса вместе... Она не может иметь детей – слова врача едва не стали приговором их отношениям, но справились; казалось, страшный диагноз пережили, так ничего не страшно... ошиблись.

Капитан недовольно отмечал появившееся брюшко, но врожденная лень не позволяла вплотную им заняться: энтузиазма хватало не пропускать зарядку, не более. Мастер спорта по боксу, профессиональный «рукопашник», отличный бегун – Звонарев твердо верил, что и без лишней физической нагрузки может справиться с любым соперником – надо сказать, верил не без основания, – но брюшко росло, волосы белели заметнее... Все чаще кусали грустные мысли, что молодость осталась позади, скоро вовсе захиреет; до этого верилось, что организм – цельный, литой щит, который не подведет в ответственный момент, теперь же были некоторые сомнения...

Тридцать пять, без жены, детей, квартиры... руки невольно опустятся, но только не у капитана Звонарева. Ситуация, наоборот, подстегивала к работе – дела раскрывались, преступники один за другим несли заслуженную кару. Александр почти физически ощущал, как копится вокруг негатив – от зависти менее удачливых коллег, от бандитов, от тех, на кого они работали... всегда есть те, кто управляет процессом, кукловоды, – и они таили до поры злость, готовую вот-вот прорваться...

Страшно не было: в жизни часто приходилось ступать по краю, играть в прятки со старухой – и ловко, в последний момент, убирать голову с пути ее косы. Крикнуть смерти «Не сегодня!» и уйти – девиз Звонарева не раз себя оправдал, притупив чувство опасности, но не самосохранения – с каждой новой напастью он становился осторожнее, хитрее, изворотливее... Возможно, поэтому его обходили стороной даже закоренелые урки – капитан не раздумывая пускал в ход оружие и после никогда не жалел об этом.

Скандал за стенкой, судя по звукам, перерос в драку – звенело стекло, мат – до этого чередующийся с нормальными словами – слился в нескончаемый поток, визжала пьяным голосом баба... Одним прыжком соскочив с дивана, Звонарев быстро надел спортивные штаны и вышел на площадку.

Вместо звонка висели два провода – капитан несколько раз пнул дверь ногой. Шум стих, но открывать не торопились: осторожные, едва слышные шаги приблизились к двери и замерли.

– Открывай, милиция! – для верности еще раз саданул в дверь так, что послышался хруст дерева.

– Иди отсюда! – не очень уверенно отозвались с той стороны. – Не вызывали.

– Открывай, говорю!

Видимо, сосед в глазок рассмотрел, что «милиция» стоит полуголый, в одних штанах. Щелкнул замок:

– Ты че, падла, адрес напутал?

Мужик смотрелся настоящим медведем – центнер веса, волосатое тело, мышцы перекачиваются... Далеко не маленький Звонарев выглядел на фоне такой туши пятиклассником. Сосед грозно – по его пьяному мнению – хмурился и наступал:

– Че не отвечаешь, вша? Кому в дверь пинал, говорю?

Что тут ответишь? Не дожидаясь, пока мужик соберет наконец глаза в кучу, капитан отработанным ударом заехал ему кулаком в переносицу. Не успел еще кровавый ручей достигнуть пола, как сосед получил ногой в колено, в челюсть и, под конец, в кадык.

Из дверей выглянула бабенка лет сорока, потрепанная жизнью и частыми встречами с Бахусом; на ее скуле красовался здоровый, набирающий цвета синяк. Увидев поверженного сожителя, она икнула, несколько секунд тупо рассматривала сцену и наконец сообразила – подошла и пнула мужика под зад:

– У, гад! Поделом тебе!

– Отойди, – Звонарев оттолкнул ее обратно к двери.

– А вы, собственно, кто? – она подозрительно уставилась на капитана. – Почему бесчинствуете?

– Сосед. Громко у вас... Спать мешаете.

– Ой, извините, – она запахнула халат, убрав с глаз исподнее. – А... Вы правда из милиции?

– Правда, – Звонарев примерился, взял недавнего противника за ноги и втащил в квартиру. – Больше чтоб не слышал!

– Так я скажу Викентию Петровичу, не сомневайтесь! Как напьется, сволочь, так буянит. Вы не подумайте чего – хороший он, только судьба... да у кого она щас легкая, скажите мне? – она закатила глаза. – А как вас звать-то?

– Александр.

– Так, может, Александр, по маленькой – за знакомство? – баба лукаво подмигнула и улыбнулась; стало видно, что совсем еще не старая, просто не разглядеть с первого раза...

– Не пью. Как очнется, объясни, что больше не потерплю драк.

– Объясню... по роже б снова не получить, – она потрогала фингал, – удар ого-го какой...

– Мне пожалуешься, я разберусь. Так и передай.

– Передам, не сомневайся... Ну, спасибо, что ли...

– Не за что.

Капитан вернулся в квартиру. Всегда невольно жалел таких – было непонятное понимание, будто что-то общее есть. Менталитет, наверное, – в России всегда сочувствовали пьяницам: нормальному и десяти копеек не простят, а «синяку» и бутылку в долг дадут. Страна контрастов.

Глянул на часы – половина девятого, пора собираться. Побрился, надел форму, снова посетовав на брюшко. Через двадцать минут входил в большие двойные двери прокуратуры.

Глава 3

– Саня, ты не поверишь, кто попал в холодильник! – следователь Юрков, ворвавшийся тайфуном в дверь, махал руками. – Теперь будет «спокойная» жизнь!

Двухметровый амбал с каменным лицом убийцы и странно добрыми глазами, Юрков моментально занял половину кабинета. Также в комнатке чудом разместились два стола, заваленные бумагами; два небольших шкафа и один на двоих сейф – уродливо-массивный и зеленый, как аллигатор. Пол в стандартную линолеумную клетку протерт многочисленными подошвами и стыдливо прикрыт половичком – тоже страшным и старым, но все же чуть более уютным. На подоконнике устроился непонятный цветок, чудом борющийся с никотиновыми облачками и постоянным отсутствием воды...

– Чай будешь? – привыкший к шумной манере общения капитан Звонарев щелкнул выключателем электрочайника.

– Выпью, – Юрков уселся за стол. – Ермолаев нас покинул. Скоропостижно и подозрительно.

Звонарев остановился, медленно посмотрел на коллегу...

– Подозрительно?

– Так точно. В воротах парка, что на набережной. Предположительно, сердечный приступ.

– Может, и впрямь... Хорошо бы сам!

– Надо в морг ехать, смотреть, – Юрков взял протянутую чашку, – но Пушок икру мечет, и, конечно, на нас.

Пушок – начальник следственного отдела Пушенков – из всех сотрудников больше всех не любил Звонарева: самоуверенный до наглости следак выводил подполковника из себя, и, что больше всего злило, никак повлиять на него не удавалось – раскрытые дела одно за другим еженедельно ложились на стол. Мстил по-мелкому – не похвалит, награду зажмет, – но Звонарев работал из любви к работе, а не к благам с царской руки, потому не обращал внимания на каверзы отца-командира.

– Значит, умер... – капитан задумчиво дул в чашку. – С одной стороны, плохо, а с другой...

– Со всех плохо: представь, что в городе начнется! За мифический архив перережут друг друга, что мясники.

– Надо первым бумажки найти. Сколько всего интересного...

– Поищем, но Ерема тот еще жучара... не на видном месте оставил, – Юрков уныло махнул рукой.

– Допил? – Звонарев встал, поправил китель. – Поехали, узнаем, что и как.

– К Пушку не пойдешь? Он звал...

– Нет времени, работы полно.

Юрков понимающе хмыкнул и вышел за другом в коридор. Через пять минут его потертая красная «девятка» летела к городскому моргу.

Приземистое одноэтажное здание расположилось недалеко от третьей больницы – по иронии, самой высокосмертной в городе. Синие холодные стены навечно впитали запахи химикатов, смерти и еще чего-то непередаваемого, но знакомого каждому, кто хоть раз побывал в последнем пристанище. Никакой охраны – прямо у входа, на каталке, два трупа, укрытые дырявыми простынями; чуть дальше еще один – валяется прямо на полу, «бесхозник». В конце коридора – железная двойная дверь, за которой играет музыка.

Картина за дверью вызвала отвращение: флегматичный молодой парень – здоровый, рыжеволосый – приделывал руку одного тела к другому. Недовольно качал головой, примерял ее то так, то так... наконец убрал конечность в сторону.

– Капитан Звонарев, – протянул удостоверение, но в руки парню не дал. – По поводу Ермолаева. Сегодня привезли, в районе двух.

– Мне их каждый час привозят, оптом, всех не упомянуть. Кто таков?

– Около сорока, дорогая одежда, – Юрков, успевший прочесть ориентировку, встрял в разговор. – Доставлен из Набережного парка.

– А! Есть такой, – парень будто бы обрадовался, – третий холодильник. Вроде приличный, решили выделить ему «люкс»...

– Хорош шутить! – Звонарев поморщился. – Это ж люди были, не куски мяса!

– Поработай с мое, будешь по-другому смотреть. Не поверишь, сегодня входит приличная на вид краля, такая... ухоженная вся, в золоте – жених у нее того... Ну, подходит она к нему и говорит – почему рука сломана? Отпили и приделай – сама ведь пошла, выбрала подходящую...

– Жуть! – Юрков поморщился. – Помрешь, и распилят на части.

– Кстати! – парень тряхнул головой. – Вот ваш клиент!

– В смысле? – Звонарев, идущий к холодильникам, резко обернулся.

– В прямом. Вон лежит, на каталке, его невеста приходила!

Капитан быстро подошел и откинул простыню – так и есть, почти неузнаваемый, но – Ермолаев. Смерть обошлась с ним жестко: мужик был красивый, волевой, спортом занимался – сейчас мумия, страшная и жалкая.

– Н-да... – неслышно подошел Юрков; при гигантской комплекции и топорном лице сочувствие в его голосе казалось поддельным. – Эх, скореежилось-то...

– А чего, не надо было руку делать? – парень испугался. – Это, что ль, крутой кто? Так я мигом приделаю!

– Нет у него никого: ни жены, ни детей, ни невесты... Где рука? Родная?

– Ща! Мигом! – Парень выбежал из дверей; вернулся через пять минут с посеревшим лицом. – Нету! Унесла, кажись, баба!

– Что, у вас выбрасывают органы?! Что за дебильная организация?! – Звонарев медленно краснел.

– Кладут в специальный холодильник у входа! – Рыжий, оправдываясь, чуть не плакал. – Она сказала, что положит! Да кому может понадобится?! А охраны нет – я один работаю, а там...

– Ладно, что не так с рукой было? – Юрков перевел тему. – Почему отрезали?

– Поломана, то ли при падении... – в голосе парня мелькнула неловкость, которую мгновенно уловил Звонарев.

– Договаривай!

– Ну, я давно работаю... Таких травм от падения не видел. Открытый перелом возле локтя – похожие бывают у тех, кому нарочно сломали.

– Так ведь не ломали: сердце, говорят, не выдержало жары.

– Сам, наверное, сломал...

– Это же бред: зачем? – Юрков пожал плечами. – Шел и надумал сломать руку?

– Того не знаю, – парень для пушей убедительности выставил ладони. – Скажите... что со мной будет? Я ведь один, за охранника, за доктора... А люди, знаете, разные приходят, кто накричит, а кто и...

– Расстрел надо бы... – Звонарев отвернулся. – Устроим проверку на халатность: выясним, кто виноват. Камеры хоть есть?

– Есть одна, на входе. Выведена в больницу, на пульт.

Не прощаясь, следователи вышли и с удовольствием втянули грудью чистый летний воздух.

– Ты и впрямь хочешь устроить проверку? – Юрков закурил вонючую «Яву».

– Какой смысл, и так дел полно. Ничего не изменится – потом, когда будет свободнее... Бабу эту надо ловить! Ерема был безумным, местами неприятным, но за это руки не отпиливают. Хотя, я уверен, на камере ничего нет.

– Пойдем, узнаем.

– Ты иди, у этого лося словесное возьми – что вспомнит, – а я к охране, вдруг...

Звонарев оказался прав – все, чем смог помочь дежурный на пульте, была размытая картинка «со спины», а вывод Юркова, что «бабенка и впрямь ничего», следствию ничего не дал.

Глава 4

На город медленно падал вечер. Загорались вывески магазинов; стихал нескончаемый рокот автомобилей; пустели тротуары и дорожки – пробежит изредка хмурый, припозднившийся человек, юркнет в подъезд, и снова никого... Желтели в сумерках окна, за которыми ждали горячий чай, теплый плед и ужасные теленовости.

Звонарев скинул надоевшую за день форму, натянул треники и устроился на кухне. Перед собой разложил несколько исписанных листков дела: точнее, дела-то никакого не было – предварительный осмотр места происшествия, краткая биографическая справка по жертве... Или не жертве – никаких объективных причин считать смерть Ермолаева убийством не виделось, интуитивные догадки, не более.

«И странная баба!»

Капитан поморщился – ему так хотелось, чтобы Ерема умер своей смертью, что он забыл о загадочной гостье морга.

Судьба иногда выкидывает странные коленца – Звонарев хорошо знал Ермолаева, уважал как специалиста и человека... до тех пор, пока не оказался с ним по разные стороны. Помимо своей воли капитан закрыл глаза и унесся по волнам воспоминаний.

...Погода не задалась с утра – город атаковал мелкий колючий дождь с ветром; по асфальту неслись потоки жидкой грязи вперемежку с мусором; люди прятались под козырьками уцелевших пока остановок и норовили вытолкнуть тех, кто стоял с краю, – чтоб не давили. Низко висящее, уныло-серое до горизонта небо обещало затяжной, пасмурный день.

Лейтенант Звонарев крутился перед зеркалом: то одним боком встанет, то другим, то новенькие погоны ровняет, то снова – в который раз! – начищает ботинки... Первый рабочий день, знакомство с коллегами и – кто знает? – может, первое дело? Хочется, как у великого Шерлока Холмса – непременно таинственное, но которое можно раскрыть по упущенной злодеем мелочи и поразить окружающих выдающимися способностями.

Саша, конечно, проходил практику и участвовал в расследованиях – но все они казались скучными и банальными: наркоманы украли телефон, хозяин телефона нашел бандитов и три раза пырнул ножом, один умер – раскрытое убийство. Кражи, пьяная поножовщина, драки... Звонарев удивился, выяснив, сколько на свете внешне приличных «бакланов» – совершивших крошечное преступление по глупости, за которую взимается плата годами потерянной молодости.

– Иди, опоздаешь, – Света, жена, обняла сзади, ткнувшись носом рослому Звонареву между лопаток.

– Не опоздаю. Как тебе? – он покрутился перед ней. – Хорош?

– Герой! Теперь попробуй меня упрекнуть, что долго перед зеркалом стою! – девушка шуточно нахмурилась и погрозила пальцем.

– Не буду, – лейтенант наклонился и поцеловал жену в светлую макушку. – Все, пошел!

– Зонт возьми...

Укрывшись «под цветочками», новоиспеченный лейтенант добежал до работы, взлетел по высоким каменным ступеням и впервые открыл тяжелую железную дверь.

– Лейтенант Звонарев, назначен в первый отдел.

Служащий на проходной лениво мазнул глазами удостоверение, кивнул:

– Второй этаж, двадцать восьмой кабинет.

Перед нужной дверью Саня еще раз оправил форму, быстро вытер ботинки платком и постучал:

– Можно?

– Входи. Звонарев? – подтянутый человек за столом, в гражданской одежде, приветливо махнул рукой.

– Так точно! Назначен...

– Да знаю я, кем назначен... Садись. – Мужчина встал и протянул руку: – Подполковник Ермолаев, командир первого отдела по борьбе с оргпреступностью.

Звонарев передал ему бумаги, сам устроился на простом деревянном стуле.

Некоторое время подполковник молчал. Молодой лейтенант огляделся.

Никаких изысков – стандартный кабинет с простым, заметно потертым столом буквой «Т» и шкафом, заставленным книгами в красных переплетах. На столе два дисковых аппарата, на окне занавеска в желтых никотиновых разводах. Некоторый интерес вызвал пистолет за стеклом шкафа – обычный «ТТ», – видно, хозяин ценил оружие, раз убрал...

Ермолаев проследил за взглядом новичка:

– Наградной. Ничего особенного, память...

– Понятно.

– Ну, что... – подполковник снова уселся за стол, просверлив Саню карими глазами. – Отдел наш, как ты, наверное, понял, давит всю эту криминально-организованную мразь, что развелась в невиданных количествах... Пока не трогали, они выросли до размеров катастрофических, а нам теперь воевать. Не буду скрывать – работа опасная, слишком привыкли к безнаказанности. Оружие постоянно держи при себе – чуть что, пали не раздумывая. Пока все, иди в двадцать третий, с ребятами познакомься – обживайся, чувствуй себя как дома, потому что ты дома, – он хмыкнул. – Жена есть?

– Да.

– Молодая?

– Двадцать два, Светой зовут.

– Понятно... – Звонареву показалось, что в голосе подполковника мелькнуло сожаление или сочувствие. – Ладно, шагай. Если что, заходи без обиняков – все свои, какая помощь или еще что...

– Понял. Разрешите идти?

Вместо ответа Ермолаев улыбнулся и махнул рукой.

Из кабинета лейтенант вышел с твердым убеждением, что с командиром можно идти в разведку.

Из воспоминаний капитана вырвал звонок мобильного. Звонарев потряс головой, отгоняя последние образы:

– Да?

– Здорово, спишь? – Юрков. Кажется, слегка поддатый.

– Работаю. Что у тебя?

– Есть кое-что интересное по Ермолаеву. Я запросил в архиве личное дело, так вот... Помнишь Елену, архивную? Ну, я еще с ней...

– Да помню, давай дальше!

– Ну, так вот – она мне нарыла аж два личных дела!

– Это как? – Звонарев быстро схватил ручку и приготовился записывать.

– А так! Одно – когда он впервые поступал на службу, восемьдесят пятого года; второе – когда получил назначение в первый отдел.

– И что? Может, обновляли.

– Если обновляли, то очень странно. – Юрков сделал паузу. – В первом деле значится мать, некая Лыбина Полина Карповна, сорок пятого года рождения. Адрес, все как положено...

– Ну?

– А во втором значится «сирота», с указанием детского дома и даже фамилией тогдашнего директора.

– Н-да... – Капитан думал. – Интересно.

– И мне, – судя по звуку, Юрков закурил. – Как тебе новости?

– Занятные. Что думаешь?

– Ехать надо, копать. Может, завтра с утра?

– Давай. Заезжай к восьми.

– Буду.

Не прощаясь, Юрков отключился. Звонарев плюхнулся на диван и глубоко задумался – он прекрасно помнил, как Ермолаев всегда подчеркивал, что рос в детдоме и родных никогда не видел.

Глава 5

Утро выдалось суматошным: капитан проспал – разбудил его звонок Юркова в дверь, – быстро одевался, потом искал завалившийся куда-то телефон... Выехали из дома около десяти. Час пик – «девятка» то и дело замирала в пробках, дважды глохла, вызывая гнев водителей, и под конец сломалась печка, начав шпарить во всю мощь, что в почти тридцатиградусную жару делало жизнь еще более невыносимой.

К дому на Шиловской набережной подъехали к одиннадцати.

– Наконец-то! – не выдержал Юрков, выскакивая из-за руля. – Жарища!

– Все твоя тачка. – Звонарев вытер ладонью мокрый лоб. – Давно пора сменить на более приемлемую.

– Не обижай старушку, она еще батю возила! К тому же... – он помолчал, – денег нет. Приходится любить то, что есть.

– Ладно, черт с ней, с машиной. Я вот думаю – никто о матери Ермолаева не знал. Выходит, она даже не в курсе, что он мертв.

– Нам говорить?

– Пока не решил... Надо бы, конечно, но вдруг он здесь документы припрятал? Тогда лучше сказать, что он послал забрать их.

– И как поступим?

– М-м... – Звонарев несколько минут бессмысленно рассматривал дом. – Давай по обстоятельствам. Может, ошибка в деле и он правда детдомовский.

– Понял. – Юрков сунул ключ в замок на дверце, раздался подозрительно громкий щелчок.

– Сломал? – капитан с интересом посмотрел на коллегу.

– Не, она так закрывается...

– Хоть бы в сервис отогнал!

– Жду, пока сдохнет. Будет стимул взять новую и с чистой совестью батю сказать, что сделал все, что мог.

Звонарев, опершись на единственную во дворе кривую березу, хмыкнул.

Мать Ермолаева жила в стандартной блочной пятиэтажке с мощными подъездными дверями и загаженными подъездами. Судя по надписям, здесь жила Света легкого поведения, любители «Рамштайна» и некто Вася-презерватив. На подоконниках стояли пластиковые бутылки с коричневым осадком, рядом скрученные бумажные трубочки...

– Вот где надо облавы делать! – Юрков качал головой. – Внаглую «дуют», пьют, вандалят...

– Время такое: уверены, что не противозаконно. Ну, поймают, и что? Отломают ППСу половину, пожмут руку и дальше пойдут. Облавы надо на рэперов устраивать: сами так не делают, а бабки на идиотах стригут.

– Старый ты стал, ворчишь...

– Это к чему? – Звонарев остановился.

– Мне, допустим, нравится рэп... некоторый, – Юрков рассмеялся и сложил руки на груди.

– Какая квартира?

– Пришли, вот – пятнадцатая...

Они стояли возле пошарпанной двери, обитой простым черным дерматином.

– По обстановке? – Юрков задержал палец в сантиметре от сожженного звонка.

– Жми.

Где-то в глубине квартиры пронеслась негромкая трель. Долго ничего не происходило, наконец раздались шаркающие шаги, глазок на миг вспыхнул и сразу потух.

– Кто?

– Мы ищем Лыбину Полину Карповну.

– Зачем?

– Прокуратура, – Звонарев раскрыл перед глазком удостоверение. – Хотим задать несколько вопросов.

– Минуту... – Защелкали многочисленные замки, капитан насчитал не меньше четырех. Дверь открылась – на пороге стояла высокая пожилая женщина с тугим узлом седых волос на затылке. Она куталась в красивую ажурную шаль и внимательно рассматривала гостей.

– Слушаю, – голос женщины звучал не по возрасту сильно, с едва различимой хрипотцой.

– Мы по поводу вашего сына... – Капитан замолчал, надеясь, что она сама подтвердит информацию.

– Виталика?

– Да, Ермолаева.

– Почему вы зовете его по фамилии, коллеги ведь... Или...

Она сильно побледнела, зашаталась. Юрков, привыкший к таким ситуациям, прошел на кухню и через минуту вынес стакан воды. Женщина сделала несколько глотков и благодарно кивнула:

– Что с Виталиком? Говорите, не тяните...

Следователи переглянулись:

– Мы не знаем, – Звонарев действовал по наитию. – Как раз ищем его.

– Боже, зачем же пугать?! Я пожилой человек, мне всего, может, один такой испуг остался!

– Так ведь я ничего не сказал, – капитан улыбнулся: стало стыдно обманывать незнакомую женщину. – Только спросить хотел.

– Ну, ладно, обошлось, и хорошо, – женщина улыбнулась в ответ. – Пойдемте, чаем вас напою.

Они прошли узким темноватым коридором, по стенам которого висело множество фотографий. Возле одной Звонарев остановился – красивая молодая женщина стоит с высоким мужчиной с волевым, хищным лицом. Они улыбались – молодые, счастливые...

– Это вы?

– Да, – Полина Карповна встала рядом – Давно было...

– Красивая, – капитан не врал: женщина на фото смотрелась королевой.

– Теперь уж ничего не осталось – старуха! – Она хохотнула, взяв следователя под локоть. – Но за комплимент, пусть и опоздавший лет на тридцать, спасибо!

В крошечной кухне женщина поставила на огонь эмалированный чайник, вытащила из шкафчика печенье и полбанки варенья:

– Сама делала, с нашего огорода. Налетайте, такого не попробуете!

– Спасибо, – Звонарев взял варенье. – Так когда Виталий был последний раз?

– Давно, ребятаки, – Полина Карповна нахмурилась, – наверное, с месяц назад или чуть больше... Сказал, работает над важным заданием, потому может исчезнуть на время. Ой!

– Что? – капитан снова протянул воду.

– Мне же нельзя, наверное, говорить про задание...

– Да все нормально.

– Хотя вы коллеги, – следователи переглянулись: опять мелькнуло «коллеги». – Скорее бы Виталик на пенсию вышел, сплошное беспокойство!

– Полина Карповна, такой вопрос – у нас ревизия была, нашли два дела Виталия – в одном вы, все правильно, а в другом детдом значится...

– Так и есть – до семи лет в казенном воспитывался, – женщина сокрушенно покачала головой. – Я молодая совсем была, деревенская... ну, познакомилась – думала, любовь до гробовой доски, дом, семья... Родила – а жених тью-тью... Отдала, потом, слава богу, одумалась – знакомых попросила, помогли, вернули сына. Вот теперь страну защищает от нехристей! – она гордо посмотрела на гостей.

– Ага... – Звонарев под ее взглядом неловко потупился. – Так мы, собственно, пришли узнать: может, он встречался с кем-то? Или вам документы оставил? А то ищем, ищем...

– Мне точно ничего не оставлял, – женщина решительно помотала головой, – а встречался... знаете, кажется, да: появилась у него женщина. Звонки – она Виталика спрашивала, он убегал среди ночи... думаете, у нее?

– Возможно... А телефона, адреса ее нет?

– Да откуда, Виталька как Штирлиц: слова не вытянешь. Объявится, на работу-то надо.

– М-м... – Звонарев допил чай. – Спасибо, Полина Карповна, поедем мы.

– Что ему передать, если появится? – она беззащитно смотрела в глаза. – Кому позвонить?

– Ну... коллегам, – капитан быстро вышел в дверь. – До сви...

Оборвал себя на полуслове – из комнаты торчал форменный китель, самый краешек, но вполне узнаваемый.

– Полина Карповна, можно стаканчик воды?

– Воды? Конечно, сейчас.

– Ты чего, не напился? – зашептал Юрков, но капитан уже бесшумно вошел в квартиру и профессионально обыскивал форму. В одном из карманов нащупал что-то плотное, сунул руку и вытащил бумажный прямоугольник – визитку.

Успел вовремя – Полина Карповна протянула ему большую кружку.

– Спасибо, до свидания.

– Удачи вам, ребята, – женщина закрыла дверь.

Юрков ждал возле машины:

– Ну, что?

– Короче, давай, отряди бойцов, сообщить матери... И работать – контакты, кого видела, кого слышала... Сам знаешь.

– А ты?

– А я, – Звонарев протянул другу визитку, – поеду, навещу школьного товарища.

– Ого! Князь?

– Он... Зная патологическую неприязнь Ермолаева к преступникам, интересно, какие у него с блатным могли быть дела...

Глава 6

Ресторан «Золотая звезда» расположился на берегу пруда в уютном двухэтажном коттедже. Бывшую усадьбу князей Слободских (архитектурный, кстати, памятник) превратили в заведение VIP-класса: дубовая, «под старину», мебель; круглые столы с бордовыми скатертями; импровизированная сцена, обрамленная резными гранитными колоннами... Конечно, итальянец-повар Альберто с его прекрасной кухней, профессиональные музыканты и заоблачные цены.

Князь – «в миру» Анатолий Луганский – выбрал «Звезду» в качестве личной базы. Бывший лидер Тихвинской ОПГ сейчас занимал видное место среди бизнес-элиты города: владел несколькими клубами, магазинами, сетью заправок... злые языки шутили, что нет торговой точки, где Князь не хозяйничал, – и в этой шутке была лишь маленькая доля шутки...

Звонарев же помнил Толика Ушастого – высокого худощавого паренька, с постоянно всклокоченными темными волосами и безумными затеями быстро и без проблем обогатиться. Князь жил тогда в коммуналке на Бебеля – грязной, полузаброшенной хибаре, забитой низшим классом: варил джинсы, приторговывал спиртом, воровал – и выходил сухим из воды. Участковый ненавидел шустрого пацана; соседи ненавидели; вся округа ненавидела, а Толик улыбался и делал то, что умел лучше всего, – богател.

Лафа кончилась в девяносто пятом – опера вытащили Князя из новенькой «шестерки», ткнули носом в землю и от души врезали по ребрам: добежался! Ограбление склада, травмированный пожилой сторож Никифоров – шесть лет «строгача». Казалось бы, тут история могла кончиться, не будь Толик Толиком – быстро освоившись, он договорился с администрацией тюрьмы, нашел покупателей и начал сбывать налево казенное имущество. Телогрейки, продукты, «зэковский труд» в виде подарочных вещей – все находило владельца и делало жизнь Князя вполне сносной даже по меркам обычных горожан, не то что коллег по нарам.

Тогда же преступный мир впервые услышал о «тихвинцах» – группе, сколоченной Луганским для собственной защиты. Блатные требовали делиться, Толик не хотел – у него водились деньги, и он мог предложить своим опричникам хорошую жизнь – чем и воспользовался, собрав отъявленных мерзавцев под одним флагом. По слухам, Князя пытались убить сорок два раза – и каждый раз не получалось, даже легенда появилась, что он вроде колдуна...

Как бы там ни было, Толик вышел, созвал в родной город верную команду и начал заниматься тем, чем не занимался разве что отъявленный лентяй, – «дербанить» слабых коммерсантов и дружить с сильными, успешными набрав вес группировками. Быстро сориентировался и понял, что эпоха лютого бандитизма скоро кончится – пора готовить плацдарм для будущих свершений. Инвестировал в бизнес, помогал начинающим перспективным дельцам, оказывал разные услуги полезным людям...

В 2012-м, когда девяносто процентов знакомых лежат под трехметровой коркой земли, Анатолий Вячеславович чувствует себя прекрасно и на высший суд не торопится.

Мысли вихрем летели в голове Звонарева, пока он поднимался по широкой каменной лестнице. Балкон ресторана, всего с одним столиком, выходил на ласково играющий в солнечных лучах пруд: на одном берегу раскинулся городской парк, на другом золотились купола недавно отстроенного белого храма. Князь – основательно располневший, в дорогом костюме и шелковой рубашке, распахнутой на груди, – наслаждался чашечкой ароматного кофе в обществе длинноногой блондинки, ласково гладившей хозяйское колено. Матово поблескивала витая золотая цепь на шее, играл огнем крупный прозрачный камень в перстне, разве что обкусанные под корень ногти – старая привычка! – не вписывались в образ «хозяина жизни».

– Какие люди! – он первым заметил капитана, Звонарев специально оделся в простой спортивный костюм и белые кроссовки, хотя понимал, что «совковая» привычка выглядеть

наперекор правилам со стороны выглядит смешно и неуместно. – Ты бы знал, Саша, как я рад за нашу страну!

– Это ты к чему? – капитан уселся напротив, подумал, не протянуть ли руку, и не стал.

– Раз у ментов завелись копейки обедать в таких местах, значит, все не так плохо, – Толик криво улыбнулся.

– Смотрю, кто-то обронил десяток килограммов, а ты нашел? Или, по привычке, украл?

Традиция – обменяться колкостями: запахло менту и блатному мирно беседовать...

– Смешно, – Князь, улыбаясь, кивнул. – Зачем пришел, Саша? Ведь не обедать?

– Не обедать. По делу.

– Кофе будешь? Иди, принеси. – Легким шлепком по заду Толик отправил блондинку с балкона.

– Хорошая... – искренне протянул капитан, провожая глазами ее аппетитно покачивающуюся корму.

– Ну! – хозяин самодовольно дернул мощным подбородком. – Плохих не держим! Так чем обязан?

– Ермолаев.

– Ага. – Князь не удивился. – Знал, что рано или поздно заглянут красные гости...

– Почему так?

– Что бы ни случилось, проверяют на причастность, а тут убийство.

– Откуда знаешь, что убийство? – Звонарев напрягся.

– Не суетись, я много знаю... Но тут помочь не могу – сам не понимаю, что произошло, – Толик сделал маленький глоток. – Не должно было так случиться...

– Пояснишь?

– Мысли вслух... Короче: не знаю, не видел, не слышал.

– Вот... – капитан выложил на стол визитку. – Твоя?

– Читать умеешь? – Луганский коротким жестом ее откинул. – Моя, конечно.

– Нашел ее в кармане служебного кителя Ермолаева. Хочу знать, где познакомились, с какой целью...

– Таких визиток по городу миллион, мало ли как она попала к твоему труп, – Толик равнодушно мотнул головой.

– Значит, не скажешь? – Звонарев поднялся: если Князь не хотел говорить, не скажет и под дулом пистолета.

– Сядь. Вон, кофе несет... – Блондинка поставила перед капитаном миниатюрную чашечку, сверкнула аккуратными белыми зубками и ушла. – Ты каким боком в деле? Расследуешь?

– Да. – Напиток оказался горячим и действительно вкусным. – Понять хочу.

– Значит, про архив Еремин слышал... – Толик констатировал факт. – На него целишься?

– Хотелось бы, но сперва найду убийцу.

– Ого! – Князь внимательно посмотрел Звонареву в глаза. – Слышу нотки личной заинтересованности. Что так?

– Не твое дело! – Капитан почувствовал напряжение: словно короткий разряд, оно пробежало между ним и собеседником – и тут же заглохло.

– Ну, не мое, так не мое. И что хочешь узнать?

– Что тебя связывало с Ермолаевым.

– Да то самое, что и остальных серьезных людей, – хотел купить его бумажонки. А он, как и во всех остальных случаях, отказался. Все.

– И ты решил на него надавить...

– Не пори чушь, век какой на дворе? Давно все решают деньги. Я собирался предложить сумму, от которой ни один здравомыслящий человек не откажется, – а он «ласты склеил». Теперь вообще непонятно, кому что перешло.

– Ты видел архив? – Звонарев поверил: за долгие годы работы научился отделять ложь от правды. – Может, и нет его в природе, слух один?

– Видеть не видел, но что существует – точно. Слышал о Бередине?

Александр слышал: кандидат в мэры, отказавшийся от должности накануне стопроцентной победы.

– И что?

– Показали ему пару выписок Ереминых – он «слился». Сам понимаешь, там не бомба – астероид.

– Если Ермолаев не продавал сведения – как их удалось получить?

– А это интересно: он менялся, – Князь неприятно улыбнулся. – Детский сад развел, дебил!

– В смысле?

– В прямом: ты ему информацию о том, кого в архиве нет, а он – на нужного тебе человека. Ни на какие суммы не соглашался, один бартер.

– Любопытно... – Звонарев недоуменно крутил на скатерти чашечку, – никогда о таком не слышал.

– Дебил, говорю же. Параноик. И теперь вся коллекция непонятно где, – Князь хлопнул ладонью по столу. – Я почему это рассказываю...

– Ну?

– Если случайно найдешь, отдай часть. Только обо мне! – он жестом прервал капитана, готового возразить. – Вам без надобности, это касается личных разборок... давних, но могут быть серьезные последствия. И в вашем... да и во всех остальных ведомствах, куда попадут бумажки, найдутся те, кто не откажется заработать: не хотелось бы на старости лет вести «куса-лово». Договорились?

– Не знаю, – Звонарев поднялся. – Почитаю, если ничего криминального, тогда... может быть.

– Хоть что-то. – Князь тоже поднялся и протянул руку, капитан пожал. – Знаю, деньги не возьмешь, но если помощь какая понадобится, в долгу не останусь.

– Бывай, Князь...

– погоди минуту. Вот адрес, – Толик вытащил из внутреннего кармана дорогую ручку и нацарапал что-то на салфетке, – там Ермолаев последнее время «тихарился»: может, что нароешь.

– Твои, поди, уже пошарили?

Князь хитро улыбнулся.

Уходя, Звонарев думал о том, что история не сходится – Ермолаев, конечно, спятил, но не до такой же степени...

И снова в памяти всплыла давняя история, после которой Ерема ушел со службы...

Ноябрь, 2000 год

Серая неприметная «Волга» подъехала к подъезду одновременно с «Газелью» спецназовцев.

– Ну, что, – Ермолаев вытащил из кобуры пистолет, передернул затвор. – «Наружка» доложила, их всего двое, пьяные, Мухин – так вообще под кайфом.

– Я с тобой, – Звонарев тоже дослал патрон в патронник, – Миха на связи.

Водитель кивнул.

– Тогда с богом! – Ерема первым вышел из машины. Как по команде, дверь «Газели» отъехала в сторону, замелькали черные фигуры.

Захват прошел быстро и без осложнений – тараном выбили дверь, двое бандитов сообразить ничего не успели, как уже валялись в наручниках. «Спецы» быстро проверили комнаты и вышли из квартиры.

– Мусора, падлы! – Мухин, рецидивист и убийца, катался по полу. – Суки, всех вас кончу, животные!

– Пасть закрой, гнида, – Ермолаев сильно пнул его в бок. – Где Берендеев? Куда отвезли? Отвечать!

– Пошел ты! – Мухин плюнул. – Адвоката требую! Звонок давай!

– Ага, обязательно.

– Я выйду, – рецидивист неожиданно успокоился и даже заулыбался. – Через два дня выйду, гнида! И ты знаешь об этом, так?

Лицо Ермолаева потемнело: Мухин – один из приближенных Хана, серьезного авторитета, славного тем, что «пехоту» в беде не бросает. Точнее, это, конечно, байка для молодых – плевали жулики на «мясо», – но этот, корчившийся в бессильной злобе урка считался «центровым», приносил деньги...

– Знаешь, что сделаю, когда выйду? – Мухин скалился. – Попрошу узнать твой адрес. Позабавлюсь с женой, детишками, а потом оставлю тебя жить с мыслью, что это ты во всем виноват!

Звонарев подлетел к бандиту и начал пинать ногами. Ермолаев потянулся к кобуре...

Примчавшиеся на выстрел омоновцы застали двух следователей, одного белого от страха задержанного и труп второго, с простреленным черепом, в лужице набежавшей крови.

Ермолаев положил рядом с телом пистолет, поднял руки; выводили милиционера в наручниках...

Глава 7

Юрков позвонил вечером, когда Звонарев наслаждался тишиной – соседи чинно смотрели телевизор (очень негромко).

– Сань, допросили мать... Ее чуть инфаркт не хватил... Как и предполагали, друзей-знакомых сына не знает, на звонки не отвечала, личных вещей Ермолаева в квартире нет. Тупик.

– Отработать все равно стоило, – капитан потер ладонью ноющее плечо: после ранения оно обычно предвещало перемену погоды.

– Да... Сегодня пришли результаты экспертизы: официально смерть Ермолаева вызвана обширным инфарктом. Дело закрыто. Неофициально – Пушенков на ковер вызывал, мы ищем следы архива.

– Будто нам дел не хватает...

– Какие следующие шаги? – Юрков в трубке чиркнул зажигалкой.

– Есть одна мысль... Ты сейчас занят?

– Ну... пива купил, хотел футбол глянуть. А что?

– Давай подъезжай ко мне. Князь мне адресок скинул, посмотрим, что там интересного.

– Чей адресок?

– Расскажу по дороге... И, Коля!..

– Да? – Юрков не успел отключиться.

– Пиво захвати, не пропадать же добру.

Через тридцать минут они ехали по неосвещенному бездорожью Чугунки – самого неприятного для жилья района. Фонари горели один через четыре; под колесами то и дело скрипело битое стекло; местная фауна провожала одинокую машину суровыми, пропитыми взглядами...

– И чего приперлись? – Юрков едва успел крутануть руль, чтобы объехать пьяницу, неожиданно вывалившегося на дорогу. – У тебя хоть «ствол» с собой?

– Конечно. А у тебя?

– Не взял: ты же не сказал, куда едем.

– Одного хватит. Быстро Еремину квартиру осмотрим и свалим.

– Странно... он же параноик был, собак, обвешанных взрывчаткой, боялся, и вдруг Чугунка...

– Но с другой стороны – ментов почти нет, контингент нелюбопытный, а надумай кто напасть – Ермолаев любому бы кости переломал, после трех-то войн... – Звонарев рассеянно смотрел на плывущие за окном двухэтажные облупленные бараки. – Логично, если хочешь что-то спрятать.

– Думаешь, здесь документы хранил?

– Нет. Если б так, люди Князя нашли и разговаривать он бы со мной не стал. Просто посмотрим, вдруг на что наткнемся... А может, тебе повезет!

– В чем? – Юрков недоуменно посмотрел на друга.

– Ведро твое угонят, – капитан ответил серьезным взглядом, – никогда чтоб не найти.

– Хорошо бы, – Николай рассмеялся.

Искать нужный дом среди однотипных построек, без номеров и практически в темноте, пришлось долго. Наконец один из пойманных аборигенов за полтинник указал адрес: без его помощи следователям пришлось бы возвращаться днем.

Поднявшись по заплеванной лестнице на второй этаж, они остановились перед дверью с цифрой 11.

– Какой план? – Юрков подергал дверь.

– Думал, открыто?

– Мало ли...

– Так, – Звонарев вытащил из кармана набор отмычек и маленький фонарик, – посвети!

– Незаконное проникновение в чужое жилище, – Коля равнодушно плюнул. – Если нас Пушок таки сживет со свету, без куска хлеба не останемся.

– Точно... – буркнул капитан, занятый дверью.

Замок долго не поддавался – хорошая немецкая модель с двойной защитой, – но учитель Звонарева, Миша Балерина, ныне мотающий срок, оказался лучше: не прошло и десяти минут, как раздалось тихое «щелк», и ригеля поползли в сторону.

В темной прихожей Юрков пошарил по стене в поисках выключателя. Нашел, свет голый лампочки высветил убогую обстановку единственной комнаты – продавленный облезлый диван; пустой сервант с мутными от грязи стеклами; колченогий журнальный столик, на котором торчала открытая шпротная банка. Посреди голого пола на незваных гостей пялился огромный черный таракан и даже не думал бежать. Воняло несвежим бельем, испорченными продуктами и сыростью.

– Ерема тут жил? – Юрков с хрустом раздавил черного жителя. – Это ж как надо опуститься!

– Не сходитесь! – Звонарев, кривясь, осматривался. – Он был помешан на чистоте, малейшая пылинка выводила из себя, а тут... Да тут бомжи – и те постесняются жить!

– Он был просто помешан, не только на чистоте. Кто знает, что у него в башке творилось?

– М-м... – капитан двумя пальцами открыл сервант; тут же отскочил, спасаясь от лавины насекомых, устроивших себе дом. Совать туда руку нечего и думать.

– Посмотри на кухне, в ванной... – Звонарев с омерзением сбил с руки усача.

Юрков ушел; капитан осторожно приблизился к серванту и заглянул внутрь. Пусто. Вторую дверцу, наученный горьким опытом, он потянул мизинцем: та же картина – гора тараканов и пустота. Следовало бы, конечно, отодвинуть шкаф – вдруг там спрятано? – но хотелось быстрее вырваться на воздух.

– Сань?

– Да?

– Пусто там. Грязь везде, живность непуганая, вот только... – Юрков протянул два оранжевых пузырька с таблетками, – на полочке в ванной стояли. От чего это?

Звонарев встал под лампочкой, чтобы лучше видеть этикетки.

– Рукой подписаны... Сейчас... «Демакин», а это... «Руфасол». Никогда не слышал.

– Я тоже. Оставим?

– Н-нет. Да! – у капитана пробежал легкий холодок по позвоночнику: так всегда бывало, когда на что-то стоило обратить внимание. – В Интернете посмотрю, вдруг пригодится.

– Ладно, поехали из этого гадючника, – Николай опасливо косился на стайку тараканов, вроде решивших перейти в наступление. – Пришлем бойцов на тщательный обыск.

– Да, поехали.

Дверь закрывать не стали.

Почти стемнело, но над подъездом горел чудом уцелевший фонарь – следователи уселись на грубо сколоченную деревянную лавку.

– Хорошо! – Звонарев втянул носом воздух. – Жара надоела, хоть свежестью подышать.

– погоди, сделаем момент лучше! – Юрков сбегал к машине, на которую никто не позарился, и принес две бутылки пива. – Холодненькое!

– Что скажешь? – сделав глоток, капитан посмотрел на коллегу. – Есть мысли?

– Ни одной. Даже не пойму, с какой стороны подступиться.

– Та же беда: вроде бы все сделали... Можно, конечно, соседей опросить – скажи, кстати, операм, – но, думается мне, интересного не скажут. А больше и податься некуда.

– Во втором деле фигурирует детдом...

– И какой смысл, если мать нашли? Хотя... Пожалуй, ты прав – навестить стоит, откуда-то же он взялся. Там ведь и имя директора было?

– М-м... – Юрков пил большими глотками; когда оторвался, пива осталось на донышке. – Завтра съездим.

– Силен ты пить! – капитан ткнул пальцем в бутылку друга. – Сейчас догоню, и поедем.

Звонарев откинул голову и поднес горлышко к губам, когда что-то произошло – бутылка со звоном разлетелась в руках. Осколки больно покарябали лицо – капитан удивленно провел по нему ладонью и почувствовал теплую и липкую, совсем непохожую на пиво жидкость.

– В подъезд! – заорал Юрков и, не теряя времени, сгреб друга мощными руками. Секунда – и они стояли в воняющем кошками парадном, а Коля закрывал скрипучую деревянную дверь.

Звонарев понял, что именно случилось, когда две пули порвали дверное полотно и с искрами отлетели от бетонных ступенек. Запахло горелым деревом.

Быстро выхватив пистолет, капитан собрался бежать на улицу, но Юрков – опытный военный – жестом остановил:

– Стой! Как зайца подстрелят. Твоя «мухобойка» все равно не дотянется, да еще надо понять, где «лежка» стрелка... Займем оборону.

Они поднялись на следующий пролет, капитан быстро присел на корточки и направил ствол между перилами – теперь, если убийцы надумают закончить дело, он успеет выстрелить первым.

Николай тем временем звонил в полицию:

– Алло! Да, говорит старший лейтенант Юрков. Срочно наряд, улица Ленина, 69. Предположительно снайпер, местоположение неизвестно... Чего? Ты баран, дежурный? Какой, на хрен, участковый? Спецам звони, срочно! И наряд предупреди, пусть с оружием на изготовку во двор входят, да по открытым участкам не шастают! – Он отключился. – Наберут по объявлению, учи потом...

– Прорвемся, Коля, – Звонарев глянул на друга. – Твою мать! Попал?!

– Ерунда, – Юрков зажимал плечо, где во все стороны быстро росло кровавое пятно. – Жить буду. Не отвлекайся, мало ли...

Но ничего не происходило – с улицы никто не заходил; в какой-то из квартир пьяный голос материл Клавдию – прошмандовку и изменщицу; где-то пронзительно скулил щенок...

Вой сирен разорвал тишину через десять минут – спецназовцы оцепили близлежащие дома; эксперты по отверстиям на двери установили положение снайпера – получалось, стреляли примерно на одном уровне со Звонаревым: пули рвали дерево без наклона... Юркова – хоть он и сопротивлялся – уложили на каталку и запихнули в «Скорую помощь».

Звонарев так устал, что, едва доехав до дома, рухнул на диван и мгновенно уснул.

Глава 8

Пушенков рвал и метал; его круглое лицо пошло красными пятнами, руки сжимались, будто хотел ударить:

– Я сказал, дело закрыто! Развели бардак: не являешься по приказу, не докладываешь... Ты кем себя возомнил, капитан?! Я сорву твои погоны!

– Не ты надел, не тебе срывать, – буркнул Звонарев в пол. Стоять посреди кабинета, когда остальные, специально вызванные коллеги, сидели, унижительно.

– Что бурчишь, мерзавец? – Пушенков покраснел больше, теперь он походил на переспелый томат.

– Вы, говорю, сами приказали архив Ермолаева разрабатывать. Вот мы и...

– Что вы? – начальник грохнул кулаком по столу. – Ты! Потацил коллегу ночью в преступный район, без оружия... Юрков на краю гибели!

Пушок врал – Юрков чувствовал себя отлично и даже хотел уйти домой, но врачи не отпустили.

Звонарев, конечно, чувствовал себя виноватым – как ни крути, Коля действительно попал под удар из-за него. Капитан жалел, что не поехал на адрес один... с другой стороны, если бы не Юрков, Пушенков сейчас притворялся бы скорбящим; велел бы, наверное, фотографию Звонарева ленточкой украсить и на входе выставить...

– Что молчишь? Сказать нечего? – начальник медленно успокаивался. – Сдай оружие, удостоверение, дела... Ты отстранен до окончания расследования.

– Надо найти киллера! – Пришла очередь капитана краснеть от злости. – Архив...

– Без тебя разберемся! – видя состояние подчиненного, Пушенков довольно улыбнулся. – От тебя толку ноль, одни проблемы. Иди, сдавай.

Звонарев молча вынул из кармана удостоверение, бросил на стол.

– Что такое? – Пушок прищурился.

– Сам сдашь. Может, похудеешь, лишний раз сбежав на первый.

Коллеги затаили дыхание: что-то будет. Глаза Пушенкова налились кровью.

– Ты что себе позволяешь, сучонок?! – Он встал из-за стола, пошел на Звонарева. – Вырос, щенок? Я тебе...

– Что? – Лицо капитана окаменело, глаза блеснули сталью, он сделал шаг навстречу. Рослый, широкоплечий капитан в эту минуту был страшен.

Пушенков остановился:

– Ты за это поплатишься! Угроза старшему по званию, прямое нарушение приказа... В Нижний Тагил поедешь! Обещаю тебе – сделаю все, чтоб зачех на зоне, шельмец!

Пушок выпрямился, одернул китель и вернулся за стол. Собравшиеся прятали глаза: такого в прокуратуре не бывало.

Звонарев молча развернулся и вышел из кабинета. Он жалел, что не сдержался – Пушенков действительно может навредить, подвести под трибунал... Если комиссия опросит присутствующих и все подтвердят слова начальника... а они подтвердят – тогда не миновать холодного уральского края.

Пока капитан спускался по давно знакомым, ставшим вдруг неуютными ступеням, в голове лихорадочно крутились мысли:

«Времени в обрез... Две... может быть, три недели, пока работает комиссия, то, се... Найти убийцу Ермолаева, найти вчерашнего стрелка, найти архив... Без поддержки – свои как от чумного будут прятаться, – без зацепок, без прикрытия. Как? А хрен его знает! По обстоятельствам, другого выхода нет. Первым делом обзавестись «стволом», а там...»

Есть человек, который не предаст. Звонарев сел в маршрутку и поехал к изнывающему от скуки Юркову.

Все муниципальные больницы похожи друг на друга, как уродливые сестры, – одинаково зеленые (почему всегда зеленые?) стены; одинаковый запах лекарств и хлорки; гремящий лифт с табличкой «Для персонала» – больные едва ползут по ступенькам, но лифтерша никогда не проникнется: «Нельзя!» – захлопнет перед носом дверь и уедет одна...

Капитан узнал номер палаты, взбежал на третий этаж, но Николая не застал – Юрков сидел в сестринской и развлекал двух девчонок-практиканток анекдотами:

– Еще один: летят русский, немец и американец в самолете...

– Девушки, можно, украду больного на пару минут? – прервал друга Звонарев, заслужив недовольные гримасы.

– О, Саня! – Николай схватил ладонь коллеги и долго тряс. – Скажи им, что я здоров! «Лежите, больной!» – передразнил он неизвестно кого. – Сколько можно лежать, работать надо!

– Я к тебе по делу. Важному. Кстати... – капитан протянул пакет с апельсинами. – Выздоравливай, поправляйся, что там еще в таких случаях говорят...

– Так... – коллега сразу посерьезнел, уловив тревогу. – К черту формальности, излагай!

Звонарев быстро и четко пересказал все, что случилось в кабинете Пушенкова. Большое каменное лицо Юркова ничего не выражало, но капитан интуитивно чувствовал, как оно недовольно кривится – слишком долго работали бок о бок, научились понимать друг друга с полуслова.

– Короче, жопа, – лаконично закончил капитан, – теперь у меня есть лимит времени, в который надо уложиться. Ну и, по возможности, выжить: не просто так в меня палили, перешел кому-то дорогу.

– Что думаешь делать?

– Поеду, снова навещу Князя.

– А если от него стрелок? Странное совпадение, не находишь – он дает адрес, вечером едем и чудом остаемся живы.

Мимо них прошаркал тапочками столетний дед. Звонарев молчал, пока он не отошел достаточно далеко.

– Думал об этом... Вряд ли Луганского работа: ему архив нужен, а не моя голова. Смысла нет убивать – по крайней мере, на первый взгляд... Но, даже если от него, идти не к кому. Если хочу что-то сделать, без помощи не обойтись.

– Сань... – Юрков кашлянул. – Почему для тебя важно найти убийцу? Может, правда Ерема от сердца скопытился, а мы пустышку тянем? Да если и убийство – помер Максим, и хрен с ним: дела нет, улики нет...

– Это личное, еще с той службы. Он меня часто выручал, а то, что начал документы эти продавать, так ведь действительно с ума сошел. Психам даже убийство с рук сходит!

– Не сравнивай безумное убийство и торговлю информацией. Безумный – не безумный, а денежку получал немалую. Скурвился, и не списывай на болезнь... разве что сучью, так она врожденная! – Коля отвернулся.

– Давай проедем для ясности, – Звонарев примирительно хлопнул друга по плечу. – В основном профессиональный интерес, плюс хочется глянуть в глаза мрази, решившей нас ухлопать.

– На меня можешь рассчитывать. День... максимум два, я выйду отсюда. Сразу возьму за свой счет, будем работать.

– Нет, Коля, не пойдет. Один раз схлопотал пулю – мало? Ты мне в прокуратуре нужен: может, понадобится что-то узнать, «пробить»... Работай спокойно – я, как что узнаю, сразу отзвонюсь. Лады?

– Но...

– Не спорь, я старше по званию... по крайней мере, пока. – Звонарев шутливо нахмурился. – Ладно, поехал...

– Постой. Ты на маршрутке?

– Да, мою не сделали... наверное, уже не сделают: мастер такую сумму заломил, что проще новую купить.

– погоди... – Юрков забежал в палату и вынес ключи. – Бери мою... если она еще стоит. Доверенность на предъявителя в козырьке.

– Вот за это отдельное тебе... Сподручнее будет, – капитан спрятал ключи в карман.

– Удачи. Смотри, не лезь особо. Чуть что, звони.

– Обязательно.

Следователи обменялись крепким рукопожатием.

Из больницы Звонарев ехал с чувством приятной теплоты, знакомой всякому, кому повстречался на жизненном пути настоящий друг.

* * *

Маршрутка ехала по Золотникам – старому району с изысканными домами купцов и уродливыми, выросшими за каких-то десять лет коробками торговых центров. Александр здешние кварталы изучил как свои пять пальцев – тут прошло его детство и большая часть юности, выкурена первая сигарета и потискана первая грудь. Под гитару вечерами пелись блатные песни, спирт продавался по десять рублей «чекушка», закуску тайком несли из собственных холодильников – кто что может. Здесь же в драке капитану сломали нос, который с тех пор смотрит чуть влево, и здесь же был самопальный спортзал дяди Антона, где районные пацаны занимались бесплатно.

Каждый раз, проезжая родные места, Звонарев чувствовал щемящую тоску по ушедшим временам и рано почившим друзьям – одних забрал алкоголь, других наркотики... пришла новая эпоха, новые идеи и новые удовольствия, доступные каждому.

Неожиданно капитан решил зайти к матери, благо изученными тропками всего пять минут ходу. Расплатившись с водителем, он купил в магазине торт и, петляя между старыми гаражами, скрываясь под козырьками от непостоянного дождика, вышел к знакомому подъезду.

– Кто? – бдительно осведомился домофон родным голосом.

– Я, мам.

Запиликала, открываясь, дверь.

– Похудел! – мать критически оглядела капитана со всех сторон. – Поди, ешь одну быструю лапшу?

Она, конечно, права...

– Да нет, хорошо ем. Держи тортик, – он разулся и прошел в маленькую, знакомую с детства кухню. – Где чай?

– погоди с тортом, садись – будем борщ есть.

– О, это мы с превеликим! – Звонарев довольно обхватил живот обеими руками.

– А врешь, что нормально питаешься!

– Надо тебе в следователи идти вместо меня.

– Налетай, шутник, – она поставила на стол глубокую тарелку наваристого, с большим куском мяса, борща.

Мать всегда была у него одна, и он у нее один – отца капитан никогда не видел... почти никогда, об этом чуть ниже – даже фотографии не осталось: ушел, когда маленькому Саше не исполнилось и года. Она никогда не говорила о нем, на вопросы не отвечала и предпочитала

тему замалчивать... Подростий сын начал выяснять настойчивее – ведь пацану нужен отец! – но однажды заметив, как мама болезненно реагирует на такие разговоры, замыкается, становится раздражительной... просто перестал ее тревожить: родной человек дороже чужого, пусть и однокровного, родственника.

Учился Звонарев средне, много занимался спортом, с пятнадцати – как все подростки – стал пропадать на улицах... обычная жизнь обычной семьи, без особо волнительных происшествий. Мать работала водителем трамвая, по двенадцать часов через день, так что большую часть времени Сашка был предоставлен самому себе... или, что чаще, предоставлен к услугам Машке Орловой, признанной красавицы двора и школы, которой посвятили стихов и песен великое множество. Естественно, при таком количестве ухажеров чемпион района по боксу был обласкан – кого ж брать в телохранители, как не его? – и даже дважды целован в щеку – один раз тайно и один раз прилюдно.

Именно Машка, выскочив замуж за мелкого фарцовщика и ранив Звонарева в самое сердце, косвенно стала причиной их любви со Светой – будущая жена посочувствовала страдающему однокласснику: подошла и сказала, что все будет хорошо... Он посмотрел в ее светло-зеленые, с веселыми искорками, глаза; на милую улыбку, от которой она всегда розовела и появлялись ямочки на щеках... Предательница Орлова была забыта в ту же секунду – молодость не умеет долго быть раненой.

В общем, детство как детство, если бы не один эпизод, надолго оставивший – да и не забытый полностью до сих пор – неприятный душевный осадок.

Случилась в тот год крайне мокрая осень – это Звонарев помнил отчетливо. Мать работала на смене, Сашка пришел из школы и едва успел заварить чай – раздался звонок в дверь. На пороге стоял незнакомый потрепанный мужчина – слегка за сорок, лысоватый, с коричневым советским чемоданом и в старой, больше его головы, шляпе. Звонареву сразу не понравились глаза гостя – тускло-серые, цепкие, они буквально за секунду обежали все, за что могли уцепиться. Мужик улыбнулся во весь ряд крупных, никотиново-желтых зубов, поставил чемодан:

– Ну, здравствуй, сын!

Попытался обнять, но Санька, в свои шестнадцать на голову выше и в два раза шире, не позволил:

– Ты кто такой?

– Не узнал, – вздохнул отец – а ведь я тебя качал, в две ладони умещался!

– Знать тебя не знаю, чушь несешь какую-то... вали отсюда! – Звонарев хотел закрыть дверь, но мужик успел протянуть фотографию: на ней мама держала тугой комок с ребенком, а рядом этот... с букетом, усами и улыбкой.

Делать нечего, провел на кухню, налил чаю. Уплетая бутерброд, новоявленный папаша рассказывал истории – одна плаксивее другой, – как его, интеллигента, писателя-сопротивленца, на каторгу... Уж на что Сашка был развит, умел критически мыслить и трезво оценить ситуацию – поплыл: «Батя!» Плыли в памяти картинки, с какой завистью смотрел на Пашку-соседа, которому отец чинил велосипедное колесо и учил натягивать цепь; или как отец Юрки все время брал сына на рыбалку, а потом они вместе показывали всему двору улов...

Поев, отец сказал, что забежит вечером – мол, есть кой-какие дела с дороги. Радостный Сашка обнял его, сказал, что будет ждать, и дал десять рублей – на трамвай. Конечно, едва мать переступила порог, он вывалил радостную новость... и уж совсем не ожидал, что она – как есть, в обуви и стареньком сером пальто – плюхнется на тумбочку и разрыдается в голос.

Оказалось, совсем не по «интеллигентной» статье шел папашин марш по зонам – рецидивист, он никогда не гулял по воле больше года. Как их свела судьба с матерью, одному богу... или не богу, вряд ли он настолько жесток к людям – известно... но повстречались, и через девять месяцев родился маленький Саша Звонарев. Отец прожил с ними два месяца и снова «уехал», прикармливая обручальное кольцо материной подруги. И теперь вернулся...

Впрочем, конечно, не вернулся – ни в этот день, ни во все стальные. Быстро выяснилась причина: уходя, папаша «отжал» хрустальную вазу – когда только успел? – подарок от трамвайного парка на сорокалетие заслуженного работника Звонаревой.

Целый месяц – будь на улице дождь или сухо – Сашка бродил по дворам и выспрашивал, не видел ли кто потрепанного мужика с коричневым чемоданом... Засыпая, он каждую ночь видел, как этот... улыбается в глаза, обнимает, а сам выискивает, что поценнее да полегче спрятать... Звонарев даже тренировки на время забросил, чего не случалось никогда до этого.

Шло время – как известно, лучший лекарь. Рана затягивается, сохнет, покрывается корочкой – и все равно оставляет шрам, который всегда будет напоминать о случившемся. Сашка пришел в себя, но эта история во многом определила его выбор профессии: желание стать следователем явилось желанием быть полной противоположностью подонку-отцу.

* * *

– Санька, чего задумался? – Катерина Дмитриевна – в цветастом фартуке, с короткими, подкрашенными хной волосами – легонько толкнула сына в бок.

– А? – Звонарев несколько раз моргнул. – Да, извини, вспомнилось... – Кивнул на тарелку: – Отлично получилось!

– Когда это я готовила, чтобы не отлично?! – она шутливо нахмурилась.

– Не помню такого! – Борщ вышел на славу; аромат его наполнял кухню и заставил уже сытого Звонарева сглотнуть слюну. Навалилось состояние легкой дремы.

– Сань... – мать присела напротив. – Скажи, у тебя все нормально?

– Конечно. Почему спрашиваешь? – ему стало не по себе от пристального взгляда.

– Тетя Галя сегодня приснилась... Пальцем грозила чего-то...

Тетя Галя, покойная сестра матери, снилась к неприятностям с Сашкой... по крайней мере, Катерина Дмитриевна в этом уверена. Звонарев вдруг подумал, что, возможно, и не напрасно уверена.

– Да нет, все отлично. Работа идет, жизнь бежит...

– Свету не видел? – смотрела в стол: знала, как ненавидит сын эти вопросы.

– Нет, мам, не видел. Да и не очень хочу, если честно...

– Я все надеюсь: может, сойдется, – вздохнула, хоть и знал капитан, что неискренне: когда мать узнала, что у нее не будет внуков, расстроилась. Теперь вроде как появился шанс...

Хотелось завалиться на диван с тупеньким детективом – чтобы не думать, не гадать: следить за действием и отдохнуть от напряженных дней, но отпущенное время следовало использовать по полной.

– Ладно, мам, поеду я. Дел по горло, не отдохнешь...

– погоди, а торт? – она достала коробку из холодильника.

– Ну, какой торт, ты чего, полный живот! Да и грех после такого борща есть это! – он презрительно ткнул пальцем в яркую упаковку.

Она качала головой, убирая лакомство обратно, но по глазам понял – довольна комплиментом, порадовалась.

– Ты заезжай почаще, мне скучно одной, – Катерина Дмитриевна провела ладонью по его коротким черным волосам.

Он поцеловал мать в теплую, пахнущую родным домом щеку:

– Скоро еще заеду.

– Обещаешь только...

Выйдя на улицу, капитан отыскал глазами окна – Катерина Дмитриевна, как всегда, стоит и машет ладошкой. Он улыбнулся, помахал в ответ и пошел на остановку, ощущая странный дискомфорт – так бывает, если прощаться с чем-то дорогим и надолго.

Глава 9

Машину Юркова на Чугунке не тронули – то ли и впрямь такой уродливой оказалась, то ли ночной переполох насторожил местных, – «девятка» стояла в полном порядке. Звонарев открыл дверь и уселся за руль. Мотор несколько раз чихнул, сопротивляясь, но ожил – хрюкнув коробкой передач, капитан покинул убогий двор и поехал в сторону центра.

Вчерашняя боль в плече не обманула – дождь, зарядивший с утра, не думал прекращаться: вода билась об асфальт и дома, раскрашивая мир в скучные краски. В неустойчивых ручьях вдоль обочины несли мусор – пакеты, сигаретные пачки, цветные обертки... Пешеходы торопились укрыться в ближайших магазинах, автолюбители с трудом вглядывались в мокрые разводы на стекле – и все под тяжелым небом, будто озлобившимся на жару.

В «Звезде» собрался народ, но дюжие охранники не пускали дальше порога – чтоб не топтали грязью сверкающий пол. Люди побогаче входили и заказывали чашку кофе, сравнимую по цене с хорошим обедом; победнее жались в тамбуре, между первой и второй дверями, неодобрительно поглядывая на равнодушных security. Две женщины громко, на публику, осуждали разгул капитализма.

– Куда? – охранник ладонью остановил Звонарева. – Для посетителей.

– Князь тут?

– Не знаю такого! – парень напрягся.

– Скажи, Звонарев интересуется.

Security что-то сказал коллеге. Тот быстро ушел и через минуту вернулся:

– Проходите. Анатолий Вячеславович в кабинете, ожидает.

Провожаемый недобрыми взглядами, капитан пересек запретную линию и, по указанию охранника, вошел в служебные помещения.

Кабинет Луганского смотрелся шикарно – под стать хозяину: большой стол красного дерева, где переливается в свете люстры зеленый малахит письменных приборов; в углу кожаный диван и столик с разбросанными глянцевыми журналами «Бизнес» и почему-то «Космо»; шкаф с книгами – Звонарев разглядел корочки Донцовой, Марининой и Дашковой... Сам хозяин удостоил гостя мимолетным взглядом и продолжил играть на компьютере – судя по звуку мотора, в гонку.

– Любишь женскую литературу? Тесты проходишь? – капитан сел в удобное кресло напротив хозяина.

– Жены кабинет, она за директора. Падлы! – Князь замахнулся кулаком на клавиатуру, но не ударил. – Сколько зарекался не играть, нервы не портить!

– Так не играй.

– Скучно, – Луганский откинулся на спинку. – Чего пришел?

Еще по дороге Звонарев решил, что Князю стоит говорить правду, иначе никакого сотрудничества не получится.

– Помощь нужна...

И он коротко рассказал о событиях, начиная с вечера; по мере рассказа лицо авторитета все больше мрачнело.

– Плохо! – Князь покачал мощной головой. – Беспредел непонятный творится. Я-то думаю, с утра мус... ваши сотрудники лютуют, пацанов чуть ли не спецназом берут, все офисы перерыли-переломали... Теперь ясно почему.

– Такая история. Мне идти, по сути, некуда: никто не станет со мной разговаривать, тем более чем-то делиться.

– На меня думаешь? – Луганский проницательно улыбнулся. – Что мой стрелок работал?

– Не знаю, – капитан постарался выглядеть равнодушным, хотя вопрос царапнул. – Но... нет, не думаю: смысла не вижу меня «исполнять». Ничего не нашел, не узнал...

– Я бы не стал делать, – Князь встал и подошел к чайнику. – Даже не потому, что мы из одной школы и когда-то дружили, – сентиментальностью давно не страдаю; потому, что покушение на сотрудника убивает планы на корню: страдают все, бизнес останавливается, кто-то основательно «уезжает» за колючую... Так что могу тебя уверить, я знать не знал об этом.

– Верю, – Звонареву стало чуть спокойнее. – А что насчет помощи?

– Конкретнее?

– Вдруг надо будет что-то узнать... или пообщаться... Твоя рекомендация – лучшая помощь.

– А потом вернешься в контору и сдашь людей, на такое не пойду. Если через меня, пожалуйста, спрашивай – люди все узнают.

– Уже неплохо, тем более пока у меня есть чем заняться. Еще одно...

– Ну?

– «Ствол» нужен.

– Обалдел? – Луганский вытаращил глаза. – У меня откуда?

– Толя, хорош, – капитан улыбнулся. – Мы оба знаем, кто ты и что ты. Без оружия меня завалят на раз, даже ответить не смогу. Один раз попытались – не получилось, думаешь, второй попытки не будет?

Князь молча разливал кипяток по двум чашкам, кабинет наполнился терпким ароматом хорошего кофе. Одну протянул Звонареву:

– На. Ладно, посмотрим, что можно сделать. Конечно, не я сам, но вдруг кто-нибудь, случайно, узнает о твоей проблеме и поможет... Значит, говоришь, ты вроде как и не мент больше? В Тагил намылился?

– Похоже на то, – капитан отхлебнул. – Начальник для этого все сделает.

– Бывал я там, на тринадцатой. Ничего зона – сук много, но это неудивительно: наполовину красная, наполовину наша... И дым завода едкий – местные привыкли, не чувствуют, а приезжим пованивает.

– Надеюсь, не придется нюхать. Найду архив, представлю вышестоящему... зачтется.

– Кстати...

– Я помню твою просьбу. Если выгорит, информацию отдам... Считай, в уплату долга, за помощь.

– А что с квартирой? Нашли что-нибудь полезное?

– Ничего... – Звонарев неожиданно вспомнил о двух пузырьках с лекарствами, стоявших на тумбочке в прихожей: с последними событиями вылетело из головы. – Только непонятные таблетки с мудреными названиями.

– Какими? – Князь заинтересовался.

– Не помню. От руки написано.

– Бутылек оранжевый? Небольшой?

– Ну, вроде...

– Я недавно у врача был, с... ну, неважно, с чем, – Луганский смутился. – Короче, он рецепт выписал, в аптеке такие пузырьки дали, с этикетками самодельными. Там имя указывается, внизу, а на штампе больница, где работает. Может, имеет смысл навестить «лепилу»?

– Может... – Идея действительно хороша. – Все ниточка, а то я даже не знаю, с какой стороны подступиться.

Луганский кивнул. Некоторое время сидели молча.

– Ты удостоверение сдал? – нарушил тишину Князь.

– Да.

– И как будешь с людьми разговаривать, вопросы задавать?

– Я обаятельный, – пошутил Звонарев, хотя на самом деле думал об этом: без бумажки ты, как известно... – Выкручусь.

Луганский поднял телефонную трубку, попиликал кнопками:

– Юра? Зайди с фотоаппаратом.

Через минуту в кабинете появился невысокий паренек лет двадцати. В руках у него болталась дорогая «зеркалка» «Никон».

– Звали, Анатолий Вячеславович?

– Саня, встань к стене: пусть щелкнет.

– Зачем? – капитан настороженно следил за манипуляциями. – Ты чего задумал?

– Делай, что говорят. Хотел помощи – получите-распишитесь. Вставай!

Звонарев встал к стене, паренек умело настроил аппарат и сделал снимок. Князь в это время что-то писал на листке бумаги. Протянул бумажку фотографу:

– Сделай быстро. В лучшем виде.

Тот кивнул и вышел.

– Что, – капитан снова сидел в кресле, – «заказ» на меня оформил?

– Чтоб не путался под ногами, – хохотнул Луганский, устраивая грузноватое тело за столом. – Короче, сиди еще полчаса – вон, книжку почитай, потом скажу... у меня дела...

Хоть он и убавил до максимума звук, капитан слышал рев моторов и визг покрышек...

Книгу брать не стал – полистал журнал, другой... наконец задремал – шум дождя за окном убаюкивал, Князь молчал...

– Эй, спишь? – легкий толчок вырвал Звонарева из полудремы.

– Нет. Что?

– Все, езжай по своим делам, – Луганский зевнул, – тоже в сон клонит!

– И ты мне ничего не дашь? – капитан был уверен, что Князь достанет оружие.

– Я же сказал: я предприниматель, а не дон Корлеоне. Давай, дел по горло. – Толя демонстративно уткнулся в какую-то бумагу.

Звонарев, не прощаясь, вышел из кабинета, снова просочился сквозь массу людей на входе и сел за руль. С чего решил, что жулик будет помогать менту? Во всех жизненных ситуациях у Князя свой интерес – в данном случае «палиться» не входило в его планы... как, впрочем, и всегда...

За размышлениями капитан не сразу заметил обычный пластиковый пакет на пассажирском сиденье; долго с недоумением смотрел, силясь вспомнить, был он или нет... Наконец осторожно приподнял краешек – бомба?... Ничего не взорвалось – внутри тряпка и что-то красненькое...

Уже смелее Звонарев высыпал «подарок» на сиденье – сразу узнал родное удостоверение. Открыл – он в форме... «майор Рубин, прокуратура» – стало ясно, для чего понадобился фотограф.

Осторожно развернув тряпку, взял в ладонь рукоять матово поблескивающего «ТТ». Проверил обойму – полная, – щелкнул затвором и сунул пистолет за ремень. С души будто Эверест сполз – теперь в случае нападения он не будет овцой и сможет по возможности дорого продать свою шкуру.

Капитан завел двигатель и поехал домой, за лекарствами – Князь прав: когда клиент безумен, начать стоит с лечащего врача.

Глава 10

Как и предполагал Звонарев, на штемпеле значилась психиатрическая больница номер один. Серый четырехэтажный короб здания, окруженный сеткой-рабицей, всегда пугал капитана – веяло от него безысходностью и какой-то мутной, бесконечной тоской. Возможно, дело в тишине окружающего леса с мощными, протыкающими небо соснами или в безлюдье, лишь изредка нарушаемом одинокими машинами... а может быть, в осознании, что никто не застрахован от этого места – в старости, совсем скоро, можно попасть и не иметь шанса выбраться.

На проходной старик-охранник тщательно списал паспортные данные, вызвал дежурную сестру; та, в свою очередь, провела капитана дальше, в белые двойные двери, за которыми пряталась регистратура.

За стойкой пожилая женщина в белом халате читала газету.

– Добрый день, не подскажете, как найти этого врача? – Звонарев протянул один из пузырьков. – Разобрать фамилию не могу...

– Веретенников, – безошибочно определила регистраторша, едва взглянув на этикетку. – Он на смене, «буйное» отделение.

– Как туда попасть?

– Вы по какому вопросу? – насторожилась, даже газету положила. – Приемное время с трех до пяти.

Настенные часы за ее спиной показывали час дня.

– Прокуратура, – протянул удостоверение. – Кап...

«Там же майор! Какая фамилия???»

К счастью, не понадобилась – магическое слово «прокуратура» и красные корочки возымели действие – женщина быстро сняла трубку и набрала трехзначный номер:

– Клавдия Васильевна? Тут к Веретенникову из прокуратуры, нужно проводить... Ага, поняла. Сейчас подойдет врач, отведет вас.

– Спасибо.

Пока ждал, капитан осторожно заучил новую фамилию. Порадовался фотографии – симпатичный в жизни, он никогда не получался на снимках – даже в детстве, когда все, страшные в том числе, выглядят мило.

– Это вы из прокуратуры? – появилась миловидная женщина, около сорока, в халате и шапочке.

– Да, майор Рубин. К... – Звонарев смутился, не зная, как назвать психиатра, – доктору? – Врач кивнула. – К доктору Веретенникову.

– Пойдемте.

Потянулись одинаковые белые коридоры, разделенные дверьми без ручек. Иногда встречались больные – в полосатых пижамах, они все улыбались; один – тощий, лет пятидесяти, мужик – даже рукой помахал в знак приветствия. Капитан помахал в ответ и поспешил отвернуться – тяжело смотреть на них, запертых, но не осознающих этого.

В «буйном» праздношатающихся не было, да и сам коридор отличался – мощные двери, яркие галогеновые лампы по всей длине...

– Пришли, – врач остановилась возле двери с табличкой: «Веретенников О.В.».

– О.В. – это...

– Олег Валентинович.

– Спасибо. – Капитан негромко постучал и приоткрыл дверь. – Можно?

– Войдите.

Врачу на вид не больше тридцати пяти – высокий, широкоплечий, он стоял возле книжного шкафа и внимательно изучал посетителя. Халат расстегнут, под ним хороший спортив-

ный костюм; на левом запястье поблескивают золотом часы; на пальце массивный перстень с черным камнем... доктор Веретенников совершенно точно не бедствовал.

– Слушаю.

– Прокуратура, майор Рубин, – Звонарев протянул удостоверение, врач без интереса глянул и вернул. – Есть несколько вопросов о вашем пациенте.

– Вся информация конфиденциальна: боюсь, без соответствующего постановления разговора не получится, – Олег Валентинович сел за стол.

– Речь идет об убийстве, и ваше поведение может быть расценено как воспрепятствование следственным действиям.

– Убийство? – он слегка напрягся. – Кого, можно поинтересоваться?

– Ермолаева, Виталия Петровича.

– Хм... – доктор повернулся к монитору, пощелкал кнопками клавиатуры. – А, теперь вспомнил: СРЛ.

– Это что такое? – Звонарев вынул из кармана купленный по дороге блокнот и ручку. – Если можно, обычным языком.

– Можно. СРЛ – синдром расщепления... или раздвоения личности. В принципе явление не такое уж редкое, но в случае с Ермолаевым довольно тяжелое.

– Подробнее...

– Пришел в больницу сам... Секунду... – врач сверился с записями. – Да, полгода назад. Головные боли, длительные провалы в памяти, некоторые внешние изменения...

– Изменения?

– Незнакомая одежда, вещи, предметы... Представьте – помните понедельник, а в себя приходите в пятницу. Все, что между, сплошная завеса мрака, зато в квартире полно чужих вещей, а иногда и людей...

– У него и люди знакомые были?

– По его словам... Новая личность постепенно захватывала больше времени – мы фиксировали проявление в течение недели; потом короткая вспышка естественного сознания и вновь долгий приступ.

– И откуда эта личность взялась?

– Понятия не имею: моя задача избавиться от нее, а не копаться в придуманных историях. Надо сказать, что случай получился интересным – новый Ермолаев кардинально отличался от оригинала: можно сказать, это и впрямь разные люди в одном теле.

– И в чем конкретно проявлялись различия?

– Во всем, – Веретенников снова сверился с записями. – Ермолаев-нормальный был крепким, основательным человеком, бывшим сотрудником милиции, профессиональным военным... Ермолаев-больной помнил военные навыки, но не мог объяснить их появления. В то же время были и индивидуальные черты новой личности – маниакальная подозрительность, страсть к чистоте, асоциальный взгляд на мир...

– Какой взгляд?

– Асоциальный. Новая личность терпеть не могла людей, считала их продажными тварями, мечтала положить этому конец. Ермолаев во время приступа говорил – правда, без уточнений, – что у него есть способ разом «свалить» гнилое дерево и вырастить новое... Он никогда не уточнял, поэтому более детально к вопросу я не возвращался.

– Понятно. Значит, он у вас лежал в стационаре?

– Да. Пять месяцев.

– Почему выписали?

– Устойчивая ремиссия. Ермолаев справился со стрессом, перестал сторониться бесед, повеселел... В целом, я считаю, мы его вылечили.

– Это вряд ли... – буркнул Звонарев, дописывая информацию в блокнот. – Значит, у вас можно показаться здоровым и выписаться? Так просто?

– Нет, разумеется. Невеста дала расписку, что понимает и принимает ответственность за состояние больного...

– Невеста?

– Да.

– Как мне посмотреть расписку? – снова появление таинственной женщины...

Веретенников снял трубку, набрал номер и отдал распоряжение.

– А записи с камер наблюдения можно посмотреть?

– Хотите увидеть ту женщину, невесту? – Звонарев кивнул. – К сожалению, тут я вам не помогу: записи хранятся месяц, а Ермолаев выписался полтора назад. Могу описать, если поможет...

– Попробуйте.

Врач ненадолго задумался:

– Среднего роста, брюнетка, по виду около тридцати пяти – сорока. Приятное лицо, но, на мой взгляд, перебор с косметикой...

– Вы так хорошо ее запомнили?

Капитану показалось, что Веретенников смутился:

– Не то чтобы хорошо... Эффектная, такие запоминаются. Одета дорого, золото на пальцах, с камнями... Вроде все.

– Негусто, – Звонарев убрал блокнот. – Что еще можете сообщить?

– Все... впрочем, секунду!

Он открыл ящик стола и вытащил пухлый ежедневник. Полистал:

– Друг Ермолаева приходил: один раз, но оставил номер телефона – просил сообщить, когда больному станет лучше. Нужен?

– Диктуйте.

Пока капитан записывал, появилась давешняя женщина-врач и протянула выписной листок. Звонарев пробежал текст глазами, но ничего не разглядел из-за почерка – нужно отдать графологам, они разберутся, что к чему.

Попрощавшись с Веретенниковым, капитан вышел из больницы и сел в машину. Набрал Юркова:

– Коля, что говорят, когда выписывают?

– Вроде завтра... Ты как?

– Нормально. Нужно, чтобы ты через своих отдал документик графологам, пусть нарисуют псих-портрет, и номерок один пробить, сотовый.

– А сам почему... хотя да, ты же чумной... Понял, сделаю. Что еще?

– Пока вроде все... Давай, я номер сейчас продиктую, ты позвони там... Надо навестить человека.

– Говори, записываю.

Продиктовав номер, Звонарев включил музыку громче и поехал в центр. Не шла из головы таинственная «невеста» – кто, что... Не верилось, что новая личность Ермолаева настолько прижилась, что умудрилась обзавестись собственной бабой. Неужто так запустил болезнь? Тогда зачем пришел в больницу? Почему поздно? Что за друг и чей конкретно друг – Ермолаев или бабы? – появлялся в больнице?

Вопросы тянулись нескончаемым поездом – чем больше их возникало, тем больше новых рождалось. Устав быть своеобразным перроном, Звонарев усилием воли отключил размышления и просто катался по городу, радуясь прояснившейся погоде и симпатичным полуголым девчонкам, выскочившим на разогревающееся солнце.

Глава 11

Николай позвонил на следующий день:

- Саня, с графологами договорился, привози бумажку.
- Выписался? – Звонарев ухмыльнулся: Юрков – да не выпишется?
- Кое-как ноги унес! Врачи страшнее бандитов!
- Понял... а что с номером?
- Тоже пробил. Давай у «Павильонки», через тридцать минут.
- Буду.

Звонарев – в обычном спортивном костюме и белых кроссовках – вышел из дома, прыгнул в машину и поехал к кафе.

«Павильонка» располагалась в десятке метров от прокуратуры. Крошечное – пять столиков внутри и два на улице, – с одним официантом, без бара, кафе не привлекало случайных гостей ни изысканными напитками, ни хотя бы минимальным сервисом. В то же время попасть сюда в обед – дело сродни чуду: со всех концов города ехали машины, люди терпеливо занимали очередь, общались... и все для того, чтобы отведать потрясающей стряпни Алика, местного повара и, по совместительству, хозяина.

Алик – толстый, шустрый, не то грузин, не то азербайджанец, выходил к каждому гостю, здоровался, интересовался здоровьем... ритуал совершал. Всегда в идеально белой поварской шапочке, еще заметнее оттеняющей смуглую кожу, в женском фартуке, с трудом покрывающем объемный живот, он выглядел комично, но в то же время удивительно гостеприимно – будто приезжаешь домой или к хорошему другу. Еще он не выговаривал многие слова и никогда не обижался, когда посетители добродушно поправляли – благодарил и жал руку с широкой, заразительной улыбкой: не улыбнуться толстяку в ответ невозможно.

У Звонарева с Юрковым в «Павильонке» особый блат – Алик неудачно вложил деньги в золото, оказавшееся крашеной медью. Сумма небольшая, но хозяин кафешки рвал на голове волосы – родня ждет, отец-мать ждет, дальние родственники ждут – вложил все, что накопил за три месяца работы. Сунулся в полицию, даже на преступника указал – попал на капитана, что частенько заходил обедать, тот объяснил: в лучшем случае, на что стоит рассчитывать, – постепенное погашение материального ущерба за счет тюремной зарплаты мерзавца.

Алик написал заявление и отправился домой. Так бы и пропали деньги, не узнай о беде следователи. Решили помочь.

Мишка Снегирь, «золототорговец», с полицией и прокуратурой дел никогда не имел – числился сварщиком на заводе и парнем в общем-то неплохим, только хитрым. Да ему и не сказали, что прокуратура – Юрков, в спортивном костюме, с арматуриной толщиной в Мишкину голову, выглядел страшно. Звонарев помог – нагнал страху: «Найдут тебя, фраер, с пикой в боку, за «кидок» подлый!» и все прочее, в духе «а-ля девяносто два»... Следующим утром Алик кормил следователей отборным мясом и от души благодарил – Мишка одумался и деньги вернул. Азербайджанец заявление забрал и с Мишкой теперь дружит.

Обед – не обед, а Звонарев с Юрковым места всегда находили. Так и теперь – два часа дня, на улице очередь, а Юрков сидит внутри прохладного павильончика и с аппетитом жует сочащийся кусок мяса.

- Приветствую, – капитан плюхнулся рядом и пожал коллеге руку. – Как мясо?
- Нормуль. Будешь?
- Да нет, поел недавно. Что рука? – Звонарев кивнул на перевязь. – Болит?
- Царапина, я ж говорил. Даже не сквозное – поверху прошло. Давай по делу – где образец?

– Вот, держи... – капитан протянул листок. – Это почерк бабы, из морга... я думаю, что той. Короче, стоит проверить.

– М-м, – Николай спрятал бумагу в нагрудный карман кителя. – Отдам. Попрошу быстрее, но ты знаешь...

– Обещай коньяк, пусть торопятся: у меня не так много времени.

– Постараюсь.

– Что с номером?

– Зарегистрирован на Рогачева Сергея Петровича. С ним интересно...

– Рассказывай.

– Я по базе проверил. Военный: шесть командировок в горячие точки, имеет ранения и медали. Ныне сотрудник ЧОП «Возмездие».

– И что интересного?

– «Возмездие» – это контора такая... Бывшие менты, военные, силовики – полный набор. Никому не подчиняются, урки – и те сторонятся, от греха. Не знаю, будет он говорить или нет.

– А чего молчать? – резонно возразил Звонарев. – Если есть что скрывать... тогда его в оборот, по полной... а если нечего, тем лучше: авось куда и выведет.

– Просто имей в виду, ребятки там непростые – шутить не станут. Может, с тобой поехать? Ты без удостоверения, без «ствола»...

– Кхм...

– Чего хмыкаешь? – Николай уставился подозрительно.

– В горле першит. – Звонарев хотел сказать правду, но вовремя прикусил язык: не знал друг, значит, и сообщить не мог куда следует – не хватало еще неприятностей добряку Юркову создать... – Не надо, Коля, со мной ехать: по-свойски поговорю с мужиком, воин воина поймет. А не захочет, тогда уж вместе...

– Смотри... – Николай доел мясо и сыто жмурился. – Я на связи.

– Отзвонюсь, как что, – капитан встал, – ставлю в известность, машина в порядке. Можешь не волноваться.

– Я и не волновался. Заявку на кредит оформил – хочу «Рено» взять.

– Правильно, давно пора. Ладно, поехал.

Звонарев спрятал в карман салфетку с нужным адресом и вышел. Солнце разжарилось не на шутку, от кузова «девятки» валил пар... капитан даже представлять не хотел, как там внутри. Сел, быстро завел двигатель и рванул на полной мощности по дороге, чтобы хоть чуть-чуть остудить салон.

Глава 12

Дом Рогачева – новая красная десятиэтажка – высился в глубине двора, укрытый со всех сторон двухметровыми бетонными плитами. На КПП два охранника проверили документы Звонарева, поинтересовались целью визита, но ворота не открыли – один из security позвонил хозяину, доложил и, только получив разрешение, нажал кнопку. Скрипя, массивный железный заслон пошел в сторону.

Капитан проехал несколько метров по вылизанному двору – мельком подивился вычурным, в старинном стиле, беседкам – и остановился возле широких каменных ступеней. Не успел выйти, как к водительскому окну подбежал еще один охранник, снова проверил документы... В подъезде, пахнувшем хорошим одеколоном и вкусным дорогим табаком, еще один здоровый амбал с рыбьим лицом – и снова по кругу: документы, цель визита, звонок хозяину квартиры... Когда Звонарев остановился перед нужной дверью, его кулаки непроизвольно сжимались и разжимались, а лицо заметно пылало.

Звонить не пришлось, хозяин вышел сам:

– Майор Рубин?

– Что, хотите проверить документы? – капитан одернул себя: начинать с грубости не стоило.

Вопреки ожиданиям Рогачев улыбнулся:

– Понимаю. Ко мне и гости не любят ходить – выматывает. Прошу.

Широким жестом он пригласил Звонарева в квартиру.

Хозяину на вид лет пятьдесят – ширококостный, массивный, он тем не менее производил впечатление очень ловкого человека: аккуратные, мягкие шаги, точные – ни одного лишнего! – движения... Даже не зная капитан, что перед ним военный, он сразу определил бы тренированного бойца. Асимметричное лицо и сломанные уши выдавали дерзкий характер; карие – почти черные – глаза смотрят вызывающе и чуть надменно. Одет в хороший спортивный костюм и не вяжущиеся с общим впечатлением мягкие розовые тапочки с заячьими ушами.

– Чем могу? – на кухне, забитой техникой и безвкусно-яркими картинами, он включил кофе-машину.

– Вы знали Ермолаева Виталия Петровича? – Звонарев намеренно перешел сразу к делу: рука хозяина едва заметно дрогнула.

– Допустим, знал. И что?

– Убили.

– Вы что-то путаете: дело закрыто, обширный инфаркт.

То, что все – Князь, этот непонятно кто – знали о внутренних делах прокуратуры, начало капитана обескураживать.

– Не путаю. Убийство. Пытаюсь выяснить, что и как.

– Профессиональная этика? – Рогачев закурил. – Знакомо, сам военный. Так, выходит, визит носит частный характер?

Капитан мотнул головой – догадливость собеседника удивляла: знал, что нельзя судить по внешности, а тут... усилием воли заставил себя собраться.

– Спрашивайте. Чем смогу, помогу. – Хозяин квартиры, в две затяжки прикончивший сигарету, раздавил окурок в пепельнице.

– Как давно вы знакомы с Ермолаевым?

– Давно... Лет пятнадцать, еще с чеченской. В Грозном познакомились, через кашу трупную пробивались. Меня ранили, Ерема подхватил и до медика тащил. Такая дружба дорогого стоит.

– И последние годы дружили?

– Когда у него «крыша потекла»? – хмыкнул невесело. – Он меня не узнавал, а я да, присматривал, как бы чего...

– Понятно... – внезапно у Звонарева кончились вопросы: что еще можно спросить и как это сделать тактично?

– Майор... – хозяин будто мысли читал, – про архив этот гребаный спросить хочешь? Ну, так будь мужиком, спроси прямо!

– Ты его видел?

– Архив? Никогда. Знать о существовании знаю, а видеть не видел. Ерема, когда в уме был, никогда о нем не упоминал... знаешь, я подозревать стал, что в уме он и не знал о нем. А тот, второй... даже говорить об этом дико! – второй Ерема жучара был страшный, реально будто другой человек... или бес какой вселился.

– Веришь в бесов?

– Я как-то домой к нему заехал, узнать, как дела... Ерема открывает – при параде, будто в гроб ложиться, – спрашивает: «Что надо?». Я ему: «Дружище, это ж я, с пузырем – давай, по старой памяти!». А он мне... ты знал его? – Звонарев кивнул. – Тогда знаешь, за словом в карман не лез – так завернуть мог, что любо-дорого. А тут: «Извините, мы не знакомы. Будьте добры не тревожить...», ну и все в таком духе. И дверь захлопнул.

– Лихо.

– Да... Жутко становится – я смерти повидал достаточно, но тут... не по себе. Из одной банки тушенку жрали, и вдруг перед тобой другой человек. – Рогачев закурил еще одну сигарету – руки заметно подрагивали: действительно, пуганул мужика чужой психоз...

– Говоришь, присматривал за ним... кто мог желать ему смерти? Или, может, о бабе его знаешь?

– Да кто угодно. – Рогачев пожал мощными плечами. – Про бумажки многие в городе знали, с разными предложениями подкатывали. Может, кто особо пугливый и не сдержался. А баба... никогда не слышал; да и как приглядывал – не следил же! – просто, как что всплывало, проверял, чтоб никто злого не замыслил.

– Про убийство... ведь, если архив всплывет, будет хуже, в том числе тем, кто убил.

– Не все умеют просчитывать варианты: сначала вредят, потом жалеют. Кстати, с чего ты решил, что его убили?

Капитан помолчал – не знал, стоит ли делиться информацией. Но Рогачев, если причастен, «спалится», попытавшись его убрать, а если чист – может, что и подскажет...

Он вкратце пересказал историю с моргом, визит к матери, попытку убийства... Когда закончил, хозяин сидел в глубокой задумчивости.

– Дела... И что по этому гадству думаешь?

– Ничего. Иду от точки к точке.

– Стрелок, убийство... канитель неслабая, – Рогачев почесал седоватую голову. – Кто-то, видать, очень против, чтоб ты копошился. Даже, честно сказать, не соображу, что присоветовать... Могу охранника дать, но – сам знаешь – если захотят, «положат» в любом случае.

– Не надо охранника, информация нужна: даже не знаю, куда от тебя ехать, кого выпрашивать... Ты сказал, заезжал к нему. На Чугунку?

– Нет, на Фрунзенскую: что Ерема-франт мог забыть в гетто?

– Дашь адрес?

– погоди... – Хозяин вышел на минуту и вернулся с iPad. – Записывай.

Звонарев черкнул адрес на предложенном листочке. Протянул свою визитку Рогачеву:

– Если что вспомнишь...

– Наберу. Тоже звони – людьми, еще чем всегда помогу. По своим каналам попробую узнать – может, «заказ» на тебя где всплывет.

– Даже так? Не зря болтают про «солидность» вашей организации.

– Может, мы и коммерческая структура, но курв среди нас нет. Найдем убийцу – сдадим, самосуда не будет.

– Похвально, – не поверил, но злить хозяина не стал. – Ладно, тогда «на созвоне»...

В машине капитан открыл окна и задумался. Рогачев не врал, хоть и информацией не помог... В сложившейся ситуации любое содействие – капля воды умирающему: обещал помочь – уже неплохо. Есть адрес поддельного Еремы – вероятно, такой же поддельный, как и вся личность, но след. И... и больше ничего. Начинала терзать подлая мыслишка – вдруг действительно инфаркт? Стреляют теперь из-за архива, ищут, воюют... а капитан Звонарев влез между воюющими, как тупорылая героиня ужастика, впотьмах бредущая на чердак выяснять, кто воет... Отстранили, может быть, даже посадят – так, опять же, из-за проявленной инициативы, дело-то закрыли...

Звонарев тряхнул головой и завел двигатель – надо было думать раньше: теперь осталось идти до конца и надеяться, что все догадки-додумки окажутся верными.

Да и не архив интересовал капитана – плевать на бумажки, пусть урки хоть на части друг друга рвут. Главная цель – убийца. Рогачев сказал – найдут, и самосуда не будет... Звонарев такой фразы произнести не мог – даже про себя.

Жара усиливалась – столбики термометров давно проскочили отметку тридцать. Спортивная куртка капитана перестала быть приятной и липла к телу, с коротко стриженных висков бежали струйки пота... казалось, все – даже погода! – работало против него.

Глава 13

На звонок никто не отозвался. Капитан прислонил ухо к двери. Ничего, ни единого шороха. Помедлив, нащупал в кармане отмычку.

Две минуты – и дверь распахнула объятия. В нос ударил запах дорогого табака, одеколона и еще... сладковатый, едва уловимый и тем не менее знакомый... Реакция капитана сработала мгновенно – в следующую секунду ладонь сжала рифленую рукоять «ТТ».

Неслышно ступая по дорожному ковровину, Звонарев двинулся в глубь квартиры. Длинный, утонувший во мраке коридор расходился в три стороны: все двери плотно закрыты. Громко тикали большие напольные часы в конце – чик... чик... – каждая секунда, будто взвод бойка, нервно шевелила волосы на затылке... Впрочем, как капитан ни прислушивался, других звуков в квартире уловить не мог, и это вселяло некоторую уверенность.

За первой дверью открылась кухня: со стильным бело-золотым гарнитуром; с обилием техники; с картинами «под старину» и хорошим толстым ковром на натертом паркете. В большой напольной вазе раскинулась зеленая, слегка увядшая пальма. Идеальная чистота, если не считать турки на плите; капитан макнул в нее палец – остаток кофейной гущи успел превратиться в корочку. И еще что-то резало глаза, будто инородное, не местное...

Сконцентрировавшись, Звонарев понял – чистота, как в операционной, нарушена кусочком грязи телесного цвета, прилипшим к краю стола. Он ковырнул ногтем, комок нехотя поддался – в пальцах капитана оказался мягкий, будто резиновый шарик. Звонарев помял его – так и есть, резина – субстанция принимала любую форму и хорошо ее сохраняла. Вытащив пачку сигарет, капитан снял полиэтилен и осторожно завернул в него находку – из странностей получают лучшие улики...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.